

Яков Шульзингер

Правоверный

Издательство «Источник жизни»

1999

Пролог

Она вошла в класс, и в тот же момент в нем воцарилась полная тишина. Нашу новую учительницу истории звали Ольга Андреевна. Подобно горе возвышалось над нами ее массивное тело, а светло-голубые глаза впивались в сидящих за партами десятиклассников, перебегая от одного лица к другому. Жена высокопоставленного офицера КГБ, Ольга Андреевна была не из тех, кого можно проигнорировать.

- Антипова Ольга, - произнесла она первую фамилию, раскрыв классный журнал.

- Я, - поднялась девушка.

- Балалин Юрий?

-Я, - последовал ответ...

- Шульзингер Яков?

Услышав свое имя, я отозвался, как и все. Ольга Андреевна помедлила - моя фамилия явно заинтересовала учительницу - и сделала какую-то отметку в своем блокноте. Я понял, что она обратила внимание на мое еврейское происхождение. Перекличка закончилась, и на эту тему в тот день уже ничего не было сказано.

«Мы с вами будем заниматься по учебнику «История СССР», - объявила Ольга Андреевна. - Это прекрасная, глубокомысленная книга, и я надеюсь, что каждый из вас основательно изучит ее. Вы продолжите знакомство с трудами В.И. Ленина и его соратников, вождей нашей славной революции. Необходимо внимательно читать каждый параграф, чтобы быть готовыми к подробному пересказу прочитанного и ответу на любой мой вопрос». После этого, продиктовав домашнее задание, она закончила урок. Это был последний, десятый, год моей школьной жизни, и я всерьез думал о предстоящем поступлении в институт. Сомнений, куда идти учиться, у меня не было -

конечно же, я буду физиком. Причиной тому во многом стал мой любимый учитель, который высоко ценил мои способности к его предмету, занимался со мной индивидуально и прочил мне как физику большое будущее. А пока мне предстояло закончить десятый класс, и именно в этот год в школе появилась Ольга Андреевна. На следующем занятии ее глаза, как и в прошлый раз, какое-то время холодно блуждали по нашим лицам, пока, наконец, не остановились на моем. «Шульзингер! - прозвучал резкий голос. - К доске. Посмотрим, на что ты способен». Я без колебаний вышел вперед. Историю я любил почти так же, как физику, и хорошо подготовился к уроку. «Итак, что ты должен нам рассказать?» - спросила учительница. Я начал весьма бойко отвечать, но скоро был остановлен на полном скаку. «Хорошо, хорошо, - поморщилась Ольга Андреевна, - значит, ты все знаешь, не так ли? Тогда скажи-ка мне...» - и она задала вопрос, совершенно не имевший отношения к теме урока. Припомнив пройденное прежде, я сумел дать правильный ответ. Последовал новый вопрос, затем еще один, затем еще... Выслушав мои очевидно удовлетворительные ответы, она отослала меня на место. Ее неприязненное, саркастическое отношение озадачило меня. На следующий день история повторилась. «Шульзингер, - вызвала она, - вчера ты хорошо подготовился к занятию. Но давай-ка посмотрим, систематически ли ты это делаешь. Иди к доске!» Снова я стоял перед классом, снова отвечал на вопросы, сыпавшиеся один за другим, и видел, как с каждым разом все больше хмурится лицо учительницы. Ольга Андреевна явно была разочарована, и я не мог ума приложить, почему. После еще не скольких таких странных поединков она до конца учебной чет верти к доске меня не вызывала. Кроме регулярных уроков истории Ольга Андреевна также постоянно проводила различные дополнительные занятия и дискуссии. Одна из таких ее лекций называлась «Внешний вид на стоящего коммуниста». «Настоящий коммунист, - говорила нам Ольга Андреевна, - продемонстрирует свои убеждения тем, как он одевается, что носит. Высокий уровень его морали выразится в том, что он будет одет в высококачественную, привлекательную одежду, произведенную на наших советских фабриках. Какая другая страна

может производить такие теплые, удобные пальто, прочные брюки, легкие платья? Где еще позаботились о такой практичной и красивой школьной форме для юношей и девушек?» Мы молча смотрели на ее отличного покроя и качества платье, на подобранные в тон туфли из натуральной кожи. Ничего подобного среди продукции советских фабрик мы никогда не видели. «С другой стороны, - продолжала она, - какого сорта люди мечтают носить провокационные, аморальные вещи, сделанные руками жестоко эксплуатируемых рабочих Запада? Кто может отдать свою месячную зарплату за предложенные на «черном» рынке кроссовки или, того хуже, джинсы?» Класс безмолвствовал. «Я скажу вам, что это за люди. Это люди без всяких моральных принципов. Это люди, которым без различия, что они таким образом также участвуют в эксплуатации бедных рабочих западными богачами! Они хотят подражать Западу. Зачем? Что там хорошего? Абсолютно ничего! Там наши враги!» «Но знаете ли, - ее голос стал вкрадчивым и насмешливым, - знаете ли, что есть люди, которые мечтают уехать из Советского Союза и жить в капиталистических странах? Беспринципные, отвратительные люди!» «Яша, - вдруг произнесла она, поворачиваясь в мою сторону, - ты знаешь, что многие евреи сегодня эмигрируют в Израиль?» Ядовитая улыбка тронула ее кроваво-красные от помады губы. «Да, слышал, - ответил я, - но какое все это имеет отношение ко мне или моей семье? Мои родители - активные и преданные партии коммунисты. Мой отец - заместитель директора завода. Мой дед во время революции поддерживал Ленина и был потом офицером НКВД. Ни у меня, ни у моих родственников нет ни каких-либо планов, ни желания эмигрировать. Поэтому мне непонятно, почему вы обращаетесь ко мне». Она, будто не услышав моих слов, продолжала: «О, это не годные люди. Эмигрируют в Израиль, а потом, когда видят, как там плохо, начинают просить наше правительство принять их обратно. Наше гуманное правительство принимает их, но теперь им нужно снова давать квартиры, обеспечивать работой, бесплатным медицинским обслуживанием, образованием - всеми теми благами, от которых они отказались, покидая страну». В смятении я молча сидел, не зная,

что думать или говорить. Такая же, как и у учительницы, саркастическая улыбка появилась теперь на лицах многих одноклассников. Впервые в своей жизни я столкнулся с открытым антисемитизмом - и почувствовал нестерпимую мерзость происходящего. На помощь мне пришел милосердно прозвеневший звонок. К радости моей, следующим уроком была физика, а значит, предстояла встреча с Иваном Петровичем, для которого главным были прежде всего мои способности. Несколько следующих недель прошли без каких-либо враждебных выпадов в мой адрес. А затем наступил день, когда мы всем классом отправились в Ленинскую комнату, в которой я не был с тех пор, как нас принимали в пионеры. На этот раз в Ленинскую комнату нас повела Ольга Андреевна. Комната была украшена красными полотнищами, на которых сверкали золотые буквы лозунгов. На стенах висели фотографии вождя, а в книжных шкафах стояли его книги. Благоговейная атмосфера, казалось, никогда не покидала эти стены. Ленина я искренне любил. Когда-то мой дед поверил вождю и безоглядно пошел за ним, увлеченный коммунистическими идеалами. Мои родственники не раздумывая отреклись от своей веры, от своего еврейского наследия, от самой своей истории, чтобы вместе с ним строить царство добра и равенства, каким им грезилась молодая Советская страна. Я был воспитан в глубокой приверженности коммунизму, и мне не терпелось дожить до того дня, когда весь мир наконец увидит страшное лицо капитализма и выберет путь, указанный Марксом и Лениным. Читая газеты, я ужасался тому, что творится в капиталистическом обществе, а однажды, узнав из «Правды» о трагической участи парагвайского коммуниста Майданы, стал ходить по домам, от дверей к дверям, собрав три тысячи подписей в его защиту. Если возможно было быть верным исповедником коммунизма, то я был таковым. «Вы заметите, - сказала Ольга Андреевна, когда мы вошли в священную для меня комнату, - что все собранное здесь тематически разделяется на три группы: Ленин в детстве, Ленин - молодой революционер, и Ленин - руководитель Советского государства». Она не спеша обращала наше внимание на различные фотографии и репродукции картин, упоминая о связанных с ними вехах биографии

Владимира Ильича, и наконец остановилась на снимке, изображавшем Ленина в кругу соратников. «Многие из этих людей были единомышленниками Ленина, поддерживали его, вместе с ним боролись за победу революции и затем руководили молодым Советским государством, - рассказывала она. Потом ее голос неприятно изменился. - Но среди них оказался и предатель, - произнесла она, указывая пальцем на одно из лиц. Потом взгляд ее устремился на меня. - И этот предатель был евреем! - медленно и отчетливо проговорила она. - Злейший враг Ленина, он хотел помешать ему в деле революции!»

Все смотрели на меня. Все знали, что я еврей. Будто нож прошел через мое правоверное сердце. Я безмолвно пылал от стыда. Да, я знал, что и Карл Маркс, и Яков Свердлов, и Лев Троцкий, и почти 70 процентов ленинского правительства были евреями, как и мои предки, которые отказались от всего, чтобы стать коммунистами. В той же самой комнате, где я клялся «любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин и учит Коммунистическая партия», где я обещал бесстрашно защищать единственно верное марксистское мировоззрение, в той же самой комнате я получил мучительно горький удар, удар, от которого вера моя начала гаснуть. Несколько недель я пребывал в страшном шоке: моя вера, мои идеалы, с детства взлелеянные дедом-коммунистом, воспитанные учителями за десять лет школы, разрушились, как карточный домик. Я не мог уже верить, как прежде, но где искать истину? На этот вопрос ответа не было. Если уж я еврей, тогда, по крайней мере, необходимо выяснить, почему большинство людей ненавидят меня. С этим вполне определенным желанием я решил отправиться в Москву. Отец говорил, что его двоюродный брат служил когда-то раввином в синагоге. И хотя я несколько раз приезжал в Москву, мне ни разу не довелось заглянуть туда. Однако я давно мечтал побывать в синагоге. Сейчас мои мечты стали приобретать целенаправленность. Может быть, там я найду ответы на свои вопросы.

Глава 1

На тенистой улочке, совсем неподалеку от центрального здания КГБ располагается старая Московская синагога. Как только я поднялся на верхнюю ступень лестницы, навстречу мне с приветствием вышел черноволосый мужчина средних лет в маленькой круглой шапочке, какие традиционно надевают в синагоге мужчины-евреи. Остановившись возле одной из колонн, он подал мне такую же шапочку, которую, как оказалось, полагается надеть, прежде чем войти внутрь.

Вместе с ним мы прошли по коридору, миновали ряд каких-то дверей - и очутились в совершенно новом для меня мире. Затаив дыхание, я наблюдал, как группа мужчин в таких же, как и у меня, шапочках и покрывалах читали полуденную молитву. Они стояли в центре помещения и, произнося молитву, в определенный момент склоняли головы. На открытом балконе, опоясывающем зал с высоким потолком, находились женщины. В глаза бросалась огромная мозаика на передней стене: слева трехметровый Адам, справа чуть меньшего роста Ева, а посередине еще более высокое древо жизни. Какие-то таинственные золотые письма образовывали арку над этой мозаикой.

Я стоял очень тихо, вбирая в себя атмосферу происходящего. Песни, чтение, молитвы, фрески и сама архитектура здания убедили меня в том, что я соприкоснулся с чем-то по-настоящему древним. Впервые в жизни я осознал, что мои корни уходят гораздо глубже, чем в 1500-летнюю историю России.

На уроках истории в школе нам рассказывали об античных цивилизациях Египта, Финикии, Вавилона, но слово «Израиль» никогда не появлялось на страницах учебников. Как-то в десятилетнем возрасте я спросил своего дядю: «Кто такие евреи?» Он сказал мне то, что знал.

«Давным-давно существовали два еврейских государства - Иудея и Израиль. Это были очень древние государства с хорошо развитой цивилизацией

и существовали они до времен Римской империи. Но римляне захватили их земли, и евреи были вынуждены покинуть Палестину. В XI—XIII веках Палестина стала ареной борьбы между христианскими крестоносцами и мусульманами. С того времени все евреи рассеяны по разным странам мира». Это все, что я услышал.

Но, наблюдая молитвенное служение в ту среду в Московской синагоге, я начал понимать, что есть еще очень многое, что стоило бы узнать.

Прикоснувшись к пласту цивилизации, гораздо более древнему, чем славянская культура, я почувствовал страстное желание открыть для себя глубокую и богатую культуру моих предков.

Но как? В советских книжных магазинах искать что-либо об интересующем меня предмете было бесполезно. Выходя из синагоги, я заметил маленькую книжную витрину в наружной стене здания. С волнением я подошел к окошку, где среди прочих была выставлена книга «Поучения Отцов». Она включала в себя отрывки из еврейского Талмуда, свода раввинистических учений, в которых отразились все религиозные представления иудеев. Я сразу же купил ее, и, миновав здание КГБ, отправился на квартиру своей тети Эстер.

Поздно вечером в тот же день мы с отцом сели в поезд на Киевском вокзале и отправились домой. Но для меня эта поездка стала не только возвращением домой. Всю ночь дорогой я читал новую книгу, и для меня началось первое духовное путешествие с конечной станцией в Неизведанном.

Глава 2

Книгу «Поучения Отцов», купленную мною в синагоге в Москве, я «проглотил» очень быстро. Хотя в ней содержалось много мудрости, далеко не на все вопросы я получил ответ; особенно интересовали меня проблемы еврейской культуры. Я чувствовал себя подобно усыновленному ребенку,

который вдруг нашел своих биологических родителей, и мне хотелось знать все о своей семье, о всех четырех тысячах лет ее истории!

Классическая русская литература здесь мало могла помочь. Великие русские писатели редко делали евреев героями своих произведений, а если такое и случалось, то называли их унижительным словом «жид», как, например, Гоголь, писавший о жиде Янкеле. У Достоевского и Тургенева евреи появлялись тоже только как «жиды».

Однажды, когда я просматривал родительскую библиотеку в поисках хотя бы чего-то, проливающего свет на интересующую меня тему, мое внимание привлек трехтомник *«Иудейская война»* Лиона Фейхтвангера. Из этого исторического романа я впервые узнал о разрушении Иерусалима в 70 году нашей эры. Зачарованный, я увлеченно следил за тем, как автор вводит меня в мир взаимоотношений между иудеями, римлянами и христианами. Роман произвел на меня глубочайшее впечатление, потому что впервые в жизни я увидел, что антисемитизм вовсе не является порождением коммунизма - его корни лежат гораздо глубже, во многом он был инспирирован христианской Церковью.

В последней мысли я утвердился, прочитав еще одну книгу Фейхтвангера — *«Еврей Зюсс»*. Из нее я узнал, что в средние века католическая Церковь вовлекла всю Европу в крестовые походы в Палестину. «Мы должны вырвать гробницу нашего Господа из рук неверных!» - провозгласил папа Урбан II. Его декрет содержал заманчивые обещания богатства, возвышения и славы для тех смельчаков, которые на протяжении XII и XIII столетий отправлялись вершить кровавую расправу над сотнями тысяч еврейских мужчин, женщин и детей.

Другим интересным открытием стала для меня Каббала, или еврейский мистицизм. Это учение особенно привлекло мое внимание, поскольку волны мистической философии уже докатывались до Советского Союза, и для меня было большим откровением узнать, что мистицизм присущ еврейской культуре.

Чем больше я читал, тем сильнее книга захватывала меня. Я решил, что мне нужно отправиться в синагогу в Киев и больше узнать о Каббале и других

учениях иудаизма. Однако когда я по делился этими планами со своей 80-летней тетей Бертой, она пришла в ужас. «Не делай этого, Яша! - взмолилась она. - Я знаю, что тебе сейчас ненавистен коммунизм, и не собираюсь навязывать свои коммунистические взгляды, но поверь - идти в синагогу опасно. Не делай этого. Мы можем поплатиться за это». Я не понимал, что она имеет в виду, но видел неподдельный страх на ее лице. Я недоумевал: *неужели это так ужасно - посетить синагогу?* С этим вопросом я обратился к матери. «Почему, - спросил я ее, - тетя Берта так боится, что я пойду в синагогу в Киеве? Разве мы не евреи?» Мама тоже считала, что идти в синагогу не следует, хотя и не выказала ужаса, который охватил тетю Берту.

Несмотря на все предостережения, несколько недель спустя я, охваченный нетерпением, уже ехал в Киев. Кроме синагоги я собирался зайти в Киевский государственный университет, где предполагал учиться с осени. А еще мне хотелось встретиться с некоторыми друзьями в городе и немного поразвлечься.

Прибыв в Киев, я решил посмотреть, что интересного предлагают театры, музеи и выставки города на сегодняшний вечер. Пробегая глазами афиши, увидел нечто совершенно неожиданное:

Раввин Шломо Карлибах
Еврейская музыка
Дворец культуры «Октябрьский»
2 августа 1988 года
18:00
Цена билета 2 рубля 50 копеек.

Я не верил своему счастью. Оказаться в Киеве именно в тот день, когда состоится один-единственный концерт! Предвкушая свое первое приобщение к еврейской культуре, я немедленно купил билет.

Спустя несколько часов я поднимался на холм в центре Киева, где расположен Дворец культуры «Октябрьский». Приблизившись к зданию, заметил, как

торопливо, стараясь быть незамеченными, проходят люди на концерт, словно опасаясь, что кто-то остановит их и начнет задавать вопросы.

Киев славился своим антисемитским духом, и концерт раввина был первым на протяжении многих лет публичным еврейским мероприятием в городе. Афиши, приглашающие посетить его, висели по всему городу, и было ясно, что множество евреев соберутся во Дворце в этот вечер. Я заметил, что многие мужчины, войдя в здание, сразу же надевали на голову маленькие круглые шапочки.

Поднявшись на балкон, я нашел свое место в переднем ряду. Отсюда все было отлично видно - сцена, оркестровая яма и центральная часть зрительного зала. Никогда прежде не доводилось мне видеть сразу так много евреев - зал на тысячу мест был заполнен до отказа. Среди собравшихся выделялись молодые люди, лет от семнадцати до двадцати с небольшим. Вместе с остальными они с нетерпением ожидали начала концерта.

Но это было гораздо большее, чем концерт. Почти для каждого из присутствующих в зале тот вечер оказался и знакомством со своими корнями, первое публичное признание нашего богатейшего и глубокого культурного наследия.

Когда свет в зале медленно погас, на сцену выступил средних лет человек с окладистой темной бородой. В руках он держал гитару, позади располагалась небольшая группа музыкантов. Сцена ярко осветилась, и он с помощью переводчика начал рассказывать.

«Четыре тысячи лет назад существовали великие цивилизации: моавитская, вавилонская, мадиамская и еврейская. Где сегодня эти великие цивилизации? Где моавитяне? Где вавилоняне? Где мадианитяне? Их нет. Они исчезли. Но где евреи? Мы здесь в этот вечер. Спустя четыре тысячи лет мы все еще существуем, и сегодня я собираюсь каждого из вас сделать евреем».

Затем, начав с Исхода, раввин Шломо Карлибах, используя слово и музыку, поведал нам нашу многотысячелетнюю историю. «В этот день и в эту

ночь Он даровал нам жизнь!» -сказал раввин, рассказывая о первой Пасхе в Египте. «Кто это ОН? - подумал я. - Он, Который сделал нас живыми?»

Раввин взял на своей гитаре минорный вступительный аккорд и на фоне частых синкопированных ударов барабанов и цимбал поведал историю избавления Богом Своего народа от всех врагов во все времена. Я впервые слышал такую музыку, и она моментально покорила меня. Песни с воодушевляющими словами, странными минорными мелодиями, прерывающимися в сторженными хвалебными возгласами произвели на меня большое впечатление. Они продолжали звучать: «Славен Он», «Ибо с Сиона Закон», «Ликуйте!» Раввин сумел мудро составить свой концерт - музыкальное повествование охватывало еврейскую историю и вероучение: Исход, Бог и Его слава, Тора, будущее избавление Иерусалима Мессией.

По мере того как я слушал, прозвучали ответы на некоторые мои вопросы. «Бог хранит еврейский народ, - объяснял раввин Карлибах, - да будет слава Богу! Мы были в Египте, и Он спас нас. В Вавилоне, и Он спас нас. Все другие народы того времени исчезли. Но нас Бог сохранил, мы живы и на протяжении тысячелетий остаемся особым Божьим народом среди всех народов. Славу и хвалу воздаем мы имени Его!»

Музыка зазвучала вновь, а я постепенно начал понимать, что еврейская культура тесно переплетена с религией или даже основана на ней. Музыка, которую я слушал, не просто фольклор - это были песни о Боге.

Становилось ясно, что Бог находится в самом центре еврейской мысли и что она приписывает Ему все великие исторические события. Евреи верили в то, что Бог сохранил их нацию и не допустил ее ассимиляции! Это концепция стала для меня открытием.

Во время этого же концерта я мысленно вернулся к событию двухгодичной давности, когда тоже увидел людей, совершающих богослужение. В то время было достаточно трудно найти действующий храм. Тем не менее моя невестка, Света, очень хотела по пасть внутрь какого-либо действующего православного храма, и я сказал ей об одном, известном мне,

который находился на территории Покровского монастыря в центре Киева. Как-то воскресным утром, находясь вместе со Светой в Киеве, мы решили зайти в эту церковь.

Добравшись на трамвае до центра города, мы вышли на остановке возле собора, и Света почему-то захотела купить букетик весенних цветов, продававшихся тут же. Так, с букетиком в руках, она вместе со мной вошла под мягко освещенные своды храма. Повсюду горели свечи, и запах плавящегося воска смешивался с ароматом ладана, наполняющим церковь. Высокие стены были украшены большими иконами в золоченых рамах. В центре располагалась небольшая группа молящихся, состоявшая по преимуществу из пожилых женщин. Священник, облаченный в богато украшенное одеяние, стоял спиной к присутствующим и нараспев монотонным голосом произносил что-то мне непонятное.

Прижимаясь к стене, мы старались быть как можно более незаметными. Однако нас уже увидели, и какой-то огромного роста человек в черной рясе и с длинной бородой направился в нашу сторону. На груди у него на массивной цепи висел большой золоченый крест. «Эй, жида! Жиды! - закричал он, взглянув на Светины цветы. - Как это вы посмели? Вы крещеные или нет?»

Под его крик мы со Светой с сильно бьющимися сердцами выбежали из церкви.

«Скорей отсюда», - сказал я, и мы поспешили вскочить в подошедший трамвай.

Теперь я невольно сравнил это неприятное воспоминание с тем, что происходило здесь, на концерте. Раввин Шломо Карлибах снова медленно перебирал струны своей гитары, начиная новую песню. Но после первых фраз темп вдруг сменился на быстрый, и к его пению присоединились хор и тамбурины. Скоро уже все хлопали в ладоши, повинаясь четкому ритму песни.

«Все рабы вышли из Египта и идут в Иерусалим, - пел раввин. - Ла - ла-ла-ла - ла, И-е-ру-са-лим, И-е-ру-са-лим! - Темп все нарастал: - И - е - ру - са - лим, И-е-ру-са-лим!» Он повторял фразу снова и снова.

Затем все внезапно оборвалось. «Минуточку! - воскликнул раввин, - чего вы ждете? Почему вы такие вялые?» Его жестикуляция была еще красноречивее. В следующий момент сотни людей поднялись на ноги. Несколько человек из хора, сопровождавшего раввина, прыгнули в зал со сцены, приглашая собравшихся на их первый еврейский танец. Они были одеты в лапсердаки и черные шляпы с полями. Следуя непреодолимому внутреннему побуждению, я встал со своего места и вместе с другими вновь открывшими себя евреями устремился вниз, в центр зала. Там происходило нечто, что я чувствовал себя «своим», но это было также нечто совершенно мне не знакомое. В любом случае я знал: мне нужно присутствовать там.

Быстро очутившись в затемненном партере, я оказался плечом плечу с другими евреями. Руки каждого, стоящего в кругу, лежали на плече находившегося рядом, и все ладони были со единены вместе. Мы начали двигаться по кругу, музыка заиграла снова, а раввин продолжил свою песню с того места, где прервал ее: «Они пришли из Египта, и постороили святилище и храм.... И-е-ру-са-лим, И-е-руса-лим!» Мы двигались все быстрее и быстрее, круг за кругом. Я даже не видел, куда в темноте бегут мои ноги, но не обращал на это внимания. Полностью погруженный в происходящее, я смотрел вверх, на сцену, слушая музыку: «О, храм...О, святилище... Иерусалим!»

Скоро я уже чувствовал себя частью этой великой нации с древнейшей историей - нацией, которая обязана своим существованием и выживанием только Богу, Который вел нас через - годы ужасных испытаний.

Танцуя со своими еврейскими братьями, я также почему-то вспомнил слова своего любимого учителя физики. «Вы думаете, что Библия - это несерьезная книга, но на самом деле это не так, - сказал он однажды к изумлению всего класса. - В ней есть вещи, которые нельзя понимать буквально, но главное, что следует из нее абсолютно ясно, это следующее: мир не возник сам по себе. В это верили многие великие физики, такие, как Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн и многие другие».

Теперь, через год, вспоминая эти слова, я понял, как верны они были, Бог, сотворивший Вселенную, не просто абстрактный Творец, но Бог евреев!

Именно во время этого танца я ощутил глубочайшее желание узнать как можно больше об этом Боге, и не только через научные доказательства, о которых я узнал на уроках, но и через основательное исследование Торы. У меня было самое приблизительное представление о Торе, но ведь очевидно, что она самым непосредственным образом говорит о Боге, и мне не терпелось узнать все это.

Постепенно музыка затихла, и танец прекратился. Стало очень тихо. «Как хорошо быть вместе, - сказал раввин, - но пришло время расставаться. Это был ваш первый опыт приобщения к своей культуре и, надеюсь, не последний.

Верю, что все вы захотите прийти в синагогу и узнать, как нужно служить Всемогущему, да будет благословенно имя Его».

После этого на сцене появился другой человек. По его одеянию и доверительной манере разговора я понял, что это, вероятно, глава еврейской общины Киева. «Хорошо, что раввин пригласил вас прийти в синагогу, - но, к сожалению, сегодня вечером мы не сможем все отправиться туда, потому что там уже полно людей, ожидающих раввина для проведения вечернего служения». Сердце во мне упало. «Но, - добавил он, - мы сердечно приглашаем вас на День Девятого Два¹, служение состоится на следующей неделе».

Собравшиеся стали расходиться. Спускаясь вниз, к улице Крещатик, я вдруг увидел черный лимузин, проехавший прямо возле меня. В машине сидел раввин Шломо Карлибах, и она направлялась в сторону Подола, района города, где находилась синагога.

Я внезапно ощутил непреодолимое желание последовать за раввином и быть в этот вечер в синагоге. Быстро устремившись к ближайшей станции метро, я пронесся вниз по ступеням и вскочил в вагон, идущий в северном направлении, надеясь, что сумею разыскать синагогу.

Глава 3

Несмотря на мое горячее желание попасть в синагогу, я имел самое смутное представление о том, где она находится. Она должна быть где-то в Подоле, но где? Спросить кого-либо в метро об этом я не решился и ломал голову, на какой же остановке мне выйти...

Не зная, что вышел я километра на четыре дальше от нужного мне места, я стал бродить по улицам этого знаменитого еврейского квартала. Позже я усвоил, что эта часть города на языке идиш называется «Игупец», то есть «Египет».

Евреи веками жили в этом районе, где старые особняки теснились за густо посаженными вдоль улиц деревьями. Когда Советы пришли к власти в Киеве, большие дома оказались превращены в коммуналки, вмещающие вместо одной десятки семей. Район этот был мне знаком, поскольку здесь жили друзья нашей семьи. Многие из домов теперь, во время перестройки, пустовали, потому что их обитатели эмигрировали в Израиль. Однако уехали еще не все - кое-где в наступающей темноте виднелись за окнами огоньки субботних свечей. Решившись все-таки найти синагогу, я продолжал бродить по улицам. Сумерки постепенно сменились темнотой. Наконец за железными воротами я увидел фасад какого-то здания с колоннами. В темноте нельзя было разглядеть здание, но оно очевидно отличалось от других. Приблизившись к воротам, я заметил небольшую металлическую табличку со словами: «Киевская иудейская община», и ниже еще надпись какими-то загадочными буквами (на еврейском). Итак, это была синагога! Судя по темноте и тишине, служение уже закончилось. На этот раз я опоздал, но сказал себе, что непременно буду здесь на особом богослужении Девятого Ава на следующей неделе.

Последующие дни казались мне, с нетерпением ожидающему пятницы, невыносимо долгими. Наконец настал желанный час, и я снова стоял перед железными воротами с таинственными буквами на маленькой табличке.

Вместе с другими я вошел в небольшой вестибюль. Но в тот момент, когда я направился ко входу в богослужебный зал, какой-то человек лет шестидесяти преградил мне дорогу. На нем было длинное черное пальто, молитвенное покрывало и черная шляпа. Я посчитал его раввином, но потом узнал, что это был один из канторов², проводящих богослужение.

«В таком виде вы не можете войти», - тихо сказал он. Одетый в обычную рубашку и брюки, я полагал, что выгляжу вполне прилично, и эти слова озадачили меня. «Почему?» - поинтересовался я. «Следует вначале покрыть голову», - отозвался он. Это оказалось весьма проблематичным, особенно теперь, в середине августа, когда вокруг стояла такая жара. В карманах у меня никакой кепки или шляпы, конечно же, не было. Я знал, что идеальным вариантом была бы кипа³, но никто не предлагал здесь кипы входящим, как на ступенях московской синагоги. *Да где же я возьму здесь кипу?* - думал я. Было слышно, что служение началось, и я страстно желал оказаться внутри зала. Столько дней я с нетерпением ждал этого момента и вот теперь не могу войти! В то время как я мысленно искал пути проникновения в зал, ответ сам собою пришел вместе с человеком, входящим в этот момент в вестибюль. Он уверенным шагом направлялся в зал, но на голове у него не было никакого головного убора. Перед тем как переступить порог, он извлек из кармана джинсов носовой платок, развернул его и положил себе на голову. Это выглядело довольно странно, но я понял, что если хочу побывать сегодня на богослужении, то должен сделать то же. В крайнем смущении я достал свой носовой платок и положил его себе на макушку. Кантор улыбнулся и открыл передо мной дверь.

Как только мои глаза привыкли к полумраку внутри, все мое смущение сразу же улетучилось. Из примерно сотни собравшихся по меньшей мере пятьдесят человек покрыли головы носовыми платками! Женщины, сидевшие отдельно на балконе, никаких головных уборов не имели. Я внимательно вслушивался в слова кантора. Несмотря на то, что все происходило на еврейском, я получал большое удовольствие от звучания распевов. В руках у

человека, сидевшего рядом со мной, была книжка молитв, называемая Сидур, и я придвинулся к нему поближе, чтобы следить за текстом. К счастью, Сидур содержал параллельный еврейскому русский текст богослужения, и я старался уловить смысл произносимого, насколько это было возможно при довольно быстром темпе. Глядя на окружающих людей, я говорил, когда говорили они, склонялся, когда они склонялись, и пел, когда они пели. Одни отзывались на русском языке, другие же были способны на отклики по-еврейски. Завидуя им, я испытывал огромное желание стать *настоящим* евреем и говорить на этом неизвестном мне языке. К сожалению, ни одна буква не была мне знакома.

Служение шло обычным порядком, а мое желание знать еврейский все возрастало. «Как мне выучить его?» - этот вопрос занимал меня целиком. Желание это достигло своего апогея в конце служения, когда раввин, до того сидевший, вдруг встал и вышел на середину синагоги. Приблизившись к стене, он скрылся за прекрасным, но загадочным занавесом из синего вельвета, расшитым золотыми нитями. Среди сидящих почувствовалось волнение. «Что раввин делает там, за занавесом?» - думал я. Когда он снова появился перед собравшимися, в руках у него был большой свиток в таком же синем, как и занавес, вельветовом чехле. Раввин поцеловал свиток и медленно приблизился к молящимся. Я вспомнил, что Тора⁴ имеет форму свитка. Наверное, это Тора!

Когда раввин проходил между рядами сидящих, некоторые из них тоже целовали свиток, другие протягивали руки, чтобы хотя бы коснуться его. В тот момент, как раввин поравнялся со мной, я тоже протянул руку и мои пальцы дотронулись до синего вельветового чехла. Как удивительно было коснуться такой великой святыни! Желание изучать Тору стало еще сильнее, оно было неотделимо от желания овладеть еврейским, поскольку, как я понимал, не зная языка, невозможно по-настоящему понять ее.

Обойдя зал со священным свитком, раввин отнес его обратно, за синий занавес. В это время община пела заключительное песнопение. Я был так воодушевлен, что почти парил под облаками.

При выходе из синагоги я заметил выставленную на продажу книгу Ликутей Омарим Тания («Сборник речей») раввина Шнеура Залмана из Ляда⁵. Открыв ее, я увидел, что текст имеет параллельный русский перевод. В надежде, что книга поможет мне понять Тору, я купил ее. Перелистывая страницы, я обнаружил приклеенный к внутренней стороне обложки листочек со словами:

Общество еврейской культуры

Володя Донец, председатель

(044)229-23-59

В тот вечер, вернувшись в квартиру друзей, я позвонил по этому телефону, желая узнать, что такое «Общество еврейской культуры». Мне ответил какой-то человек и любезно пригласил посетить его квартиру в понедельник вечером. Я немедленно дал согласие и стал считать дни до понедельника. К счастью, их оставалось только два.

Глава 4

В семь часов вечера в понедельник я был у Володи. Едва открыв дверь, увидел группу евреев, сидящих в кругу и что-то читающих. Это была Тора!

Заняв свое место, я внимательно следил за чтением и обсуждением Священного Писания. Слезы навернулись мне на глаза, когда я осознал свою беспомощность, - мне так хотелось читать священную еврейскую книгу и присоединиться к дискуссии!..

Позже Володя подошел ко мне и сказал: «Не расстраивайся. Тебе нужно найти учителя еврейского. Вот список фамилий, попробуй выбрать». Он вручил мне список учителей и адресов. Выбрав Нафтали Карабчиевского, я решил начать обучение с этой же недели.

Нафтали оказался прекрасным человеком. Я присоединился к его трехмесячному интенсивному курсу еврейского. Мы встречались три раза в

неделю и занимались по два часа, но время пролетало для меня подобно нескольким минутам. Я был как умирающий от жажды, припавший вдруг к огромной фляге с водой. Примерно три недели спустя я сумел прочесть первый рассказ на еврейском: «В 1099 году н.э. множество евреев проживало в Иерусалиме. Они жили вместе с христианами и мусульманами. Но вскоре пришли крестоносцы. Произошла великая война, и многие евреи были убиты. Спустя два столетия Иерусалим был объявлен освобожденным от евреев. Однако в 1266 году из Испании прибыл великий раввин Моше Бен Нахманн (Рамбам). Он нашел двух евреев, живших в Иерусалиме, и построил для них синагогу. С тех пор в Иерусалиме всегда была синагога благодаря синагоге Рамбама».

Эта история заставила меня о многом задуматься. Единственное, что я слышал о крестоносцах, это то, что папа призвал христиан всей Европы «освободить» гробницу Христа из рук «неверных». Теперь же мне пришлось узнать гораздо больше об этом трагическом периоде истории. Но прежде всего я фанатично стремился освоить еврейский язык.

Однажды Нафтали сказал мне: «Есть учитель из Израиля, который сможет научить тебя говорить на современном еврейском». Прежде чем я успел отреагировать, в комнату вошла пожилая женщина и обратилась ко мне: «Шми Эстер. Ма шемха?» Я попробовал ответить по-русски, но понял, что это бесполезно: она не знала русского. Женщина снова произнесла: «Шми Эстер. Ма шем ха?» Догадавшись, что она представляется и хочет услышать в ответ мое имя, я наконец ответил: «Шми Яша».

«Наим меод», - сразу же отозвалась она.

«Наим меод», - радостно ответил я. Так началось мое путешествие в разговорный еврейский язык.

В течение трех месяцев интенсивного курса еврейского я подружился с другим учащимся, Хаимом. Хаим был библиотекарем в иешиве, школе раввинов, и я с удовольствием проводил с ним время. Как-то мы вместе отправились в синагогу, и он познакомил меня со многими людьми, включая

Бенциона Моисеевича, дежурившего при дверях и сообщавшего людям необходимую информацию.

«Ты знаешь, какую мицву (заповедь) еврей должен исполнять каждый день?» -спросил меня Бенцион Моисеевич.

«Нет. А какую?» -ответил я. Тогда он вытащил две маленькие черные коробочки, прикрепленные к широким лентам. Внутри коробочек находились миниатюрные свитки с написанными по-еврейски отрывками из Книги Второзаконие. «Это тфиллин», -объяснил Бенцион Моисеевич, одновременно помогая мне повязать одну из лент на руку, а другую вокруг головы. Потом он произнес молитву и велел мне повторять за ним: «Борух ата- Адона-й Элогэ-ну мэ-лэхгаола-м аше-р кидшо-ну бэ-мицво-йтов вэцивво-нуласи-м тфилли-н» (Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь вечности, Который освятил нас заповедями Своими и повелел нам надевать тфиллин). Это была первая моя молитва.

После этого Бенцион Моисеевич пригласил меня и Хаима на лекцию, которая проходила в нижнем помещении ешивы. Сойфер, или писец, прибывший из Израиля, объяснял процесс изготовления тфиллина. «Талмуд требует глубочайшей веры и благоговения от писца, -говорил он, -потому что написание должно быть совершенным. Тфиллин подобен передатчику, посредством которого вы общаетесь с Богом. Если хоть одна деталь отсутствует, он не будет работать. А если вы сделаете ошибку и не исправите ее, это преступление, потому что тогда человек, думая, что соединен с Богом, на самом деле не соединен с Ним по вашей вине!»

Пристально рассматривая мельчайшие еврейские письмена, я пришел к выводу, что это настоящее чудо, если человек может написать такие крошечные буквы и с таким совершенством! В конце лекции директор иешивы пригласил всех на особое служение Рош Хашана на завтрашний вечер. Хаим объяснил мне, что Рош Хашана является не только началом еврейского Нового года, но также и временем глубокого покаяния и приготовления к самому святому дню года -

Иом Киппур, Дню очищения, наступающему через десять дней после Рош Хашана.

На следующий вечер, приближаясь к дверям синагоги, я вытащил из кармана платок и покрыл им голову. Кантор улыбнулся и сказал: «Лэшана-това- тикатэву (Да будешь ты записан для хорошего нового года)». Я улыбнулся в ответ и прошел в открытые двери.

Присоединившись к той части присутствующих, которых мысленно называл «платочниками», я снова старательно следил за ходом богослужения по книге молитв в руках моего соседа. Эта книга была немножко поменьше, чем та, в которую я смотрел на предыдущих собраниях. Позже я узнал, что эта меньшая книга называется Махзор и используется в особо святые дни. Но более всего захватили мое внимание звуки шофара, еврейского рога. Время от времени в продолжение литургии кантор вставал и дул в большой рог овна, производя громкий, не похожий ни на что слышанное мною ранее звук. В промежутках между звучанием рога читались специальные молитвы. Пробегая глазами перевод произносимого кантором, я все больше проникался атмосферой святости этих дней.

«Возвестим священную силу этого дня;

он велик и страшен, ибо в этот день

власть Твоя возвеличена.

Престол Твой установлен в неизменной любви,

где Ты правишь по истине.

Ты открываешь книгу дней наших,

и написанное в ней провозглашает себя,

ибо носит знак каждого живущего...

Как Пастырь призывает стадо свое

и по одной пропускает овец своих,

так и Ты называешь и исчисляешь каждую душу,

поставляешь пределы жизни всего сотворенного

и уготавливаешь его судьбу.
В Рош Хашана она написана,
в Йом Киппур она запечатлена.
Как много пройдет их, как много появится
тех, кто будет жить и кто умрет,
но покаяние, молитва и милосердие
смягчат суровый приговор суда.
Это слава Твоя; Ты медлен на гнев
и готов прощать,
Господи, Ты не ищешь смерти грешников,
но жаждешь их покаяния и обращения
от злых путей, чтобы они жили.
Начало человека - прах, и прах же конец его.
Каждый из нас - погребальная урна,
травы, которой надлежит засохнуть,
цветок, который увянет, уклоняющаяся тень,
проплывающее облако,
пыль, развеиваемая ветром,
сон, скоро забывающийся,
ноты - Царь, вечный Бог!»

И снова раздался звук шофара, и люди встали в ответ. Особое служение продолжалось несколько часов, но я не чувствовал усталости. Все более и более я ощущал себя частью еврейского сообщества.

Мои занятия еврейским языком продолжались, но я все так же жаждал приступить к более серьезному изучению Торы и учений раввинов. Зная об этом моем желании, Хаим помог мне поступить в иешиву, где я мог больше узнать о Талмуде и Торе. Занятия в иешиве проходили с воскресенья по четверг с 18:00 до 22:00; раввины, приехавшие из Израиля, проводили их исключительно на еврейском языке. Теперь я вполне оценил все затраченные вместе с Нафтали и Эстер усилия на освоение этого языка, поскольку раввин предполагал, что все

слушатели понимают его, и не уделял много времени на грамматические пояснения.

Моим любимым местом в иешиве стала библиотека. В ней имелось много интересных книг, которые я вознамерился изучить, таких, например, как руководства к чтению Талмуда и книги по истории иудаизма. Исторические книги представляли особую ценность для более глубокого понимания того, что объясняли раввины на занятиях.

В библиотеке также имелись биографии некоторых наиболее известных раввинов. Особенно заинтересовала меня одна из них, повествующая о жизни величайшего еврейского философа средневековья Моисея Маймонида, часто называемого «Рам-бам» по его титулу раввина и инициалам (раввин Моше бен Май-мон). Из его биографии я узнал, что Маймонид был не только великим философом, но также и врачом и одним из наиболее крупных своего времени исследователей Торы. Он написал комментарий на Мишну и перечень 613 мицвот (заповедей). Кроме того он составил кодекс еврейских законов и назвал его «Мишней Тора», комментарий Мишны и Торы. Маймонид предполагал, что еврей более не должен пытаться одолеть Талмуд или полагаться на неосновательное мнение местного раввина - ему просто нужно будет посмотреть «Мишней Тору» и найти ответ на любой возникающий у него религиозный вопрос.

История жизни этого человека особенно заинтересовала меня, когда я прочел о путешествии Маймонида в Иерусалим в конце крестовых походов. Очевидец рассказал ему о жуткой участи населявших Иерусалим евреев, поведав о погроме, когда было убито столько евреев, что их кровь буквально затопила город. Но этого оказалось недостаточно убийцам. Они продолжали ходить из дома в дом, выискивая оставшихся в живых. В это время некоторые из обращенных в христианство евреев пытались охранять святыне места, такие, как Голгофа и Виа Долороса. Но, несмотря на то, что эти невинные, среди которых находились женщины и дети, были христианами, украшенные крестами «солдаты Христа» схватили их и поволокли по улицам Иерусалима к

синагоге. Там они втолкнули их внутрь здания вместе с немногими оставшимися в живых ортодоксальными евреями и заперли двери. Кто-то зажег огонь, и под страшные вопли жертв «солдаты Христа», возглавляемые епископом с большим распятием в руках, маршировали вокруг горящей синагоги с криками: «Мы отомстили за кровь Христа!»

Когда Маймонид узнал об этих ужасающих событиях, он написал книгу, названную им Морэ- Невухим (Наставник колеблющегося). В ней он предостерегал евреев от обращения в христианство с целью спасти свою жизнь⁶. «Христиане всегда будут врагами евреев, и до тех пор, пока вы еврей, они найдут вас и убьют вас. Единственная надежда - ожидание Мессии».

В своей книге «Мишней Тора» Маймонид описывает пришествие Мессии: «Еврейское государство возродится, и евреи вернутся в Палестину. Затем разразится великая война, и в конце этой войны придет Мессия и восстановит Храм».

Прочитав труды Маймонида, я пришел к выводу, что главным врагом евреев является христианская церковь. Я увидел, как она веками преследовала их, и то, что происходило при царской власти в России и в гитлеровской Германии, было само по себе не ново. Я также начал понимать, почему в русской литературе евреев изображают подчас в самом отвратительном виде. Христианская церковь на протяжении многих столетий воспитывала у прихожан ненависть к евреям. О них распространялись невероятные слухи. Так, согласно одному популярному утверждению, евреи использовали кровь и сердце христианского младенца для совершения Пасхи. Самым большим «пугалом» для детей в средневековой Европе был «вечный жид», который, как уверяли, воровал и убивал ребятишек.

Из дальнейшего чтения исторической литературы я узнал, что православная Церковь была столь же безжалостна в своих преследованиях евреев, как и католическая. Царь Николай I выработал трехчастный план относительно евреев в России. Одну треть их предполагалось насильственно

выселить, другую треть так же насильственно обратить в православие, и последнюю треть - уничтожить.

Далее я прочел о том, как русское правительство поощряло антисемитские настроения среди крестьян, полагая таким образом направить крестьянские революционные настроения в нужное ему русло и предотвратить социальный взрыв. Время от времени цари инспирировали погромы, застрельщиками которых могли быть местные священники, подстрекавшие к антисемитским выходкам в своих проповедях. Специальные агенты настраивали людей против евреев, а для поднятия воинственного духа раздавалась бесплатная выпивка. Во время погромов многих евреев избивали и даже убивали. Их дома сжигались, а имущество разграблялось. Именно из-за таких погромов мой дед и его семья отrekliсь от своей веры и приняли сторону большевиков, от которых ждали спасения.

Другая книга, которую я изучил в библиотеке иешивы, называлась «Кузари». Ее автор Иегуда Галеви, раввин из Испании, написал свою философскую работу в форме диалога между царем хазар и еврейским ученым. Царь придерживался обычного христианского представления о том, что Ветхий Завет слишком стар, бесполезен и не отвечает требованиям времени, а Новый, напротив, является весьма насущной книгой. В стремлении показать царю красоту Ветхого Завета раввин указал на Книгу пророка Даниила, говоря: «Смотри: мы, евреи, знаем будущее».

Эта фраза моментально привлекла мое внимание. Неужели возможно знать будущее? Я решил поскорее прочитать Книгу пророка Даниила⁷.

На следующий день я пришел в библиотеку иешивы, сел за стол и открыл Книгу Даниила, надеясь хоть одним глазком заглянуть в будущее.

Глава 5

Читать Книгу Даниила было почти так же интересно, как какой-нибудь увлекательный исторический роман - огромный истукан с золотой головой, три еврея, брошенные в раскаленную печь и оставшиеся живыми, помешавшийся царь, евший траву, таинственные письма на стене дворца и Даниил, уцелевший в глубоком рву рядом с голодными львами.

Однако все эти впечатляющие истории особенно не задевали меня, пока я не добрался до главы 7, где Даниил описывает свой необычный сон. В этом сне он стоит на берегу моря и наблюдает, как из воды выходят четыре странных зверя. Первый - это лев с орлиными крыльями, но крылья у него неожиданно вырывают. Затем появляется медведь с тремя клыками в пасти, а за ним - барс с четырьмя головами и четырьмя крыльями на спине. Но это еще не самое страшное. Неожиданно ужаснейший зверь выходит из морской пучины. Я чувствовал, будто стою там же, вместе с Даниилом, когда читал об этом ужасном звере в стихах 7 и 8:

«И вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него. Я смотрел на эти рога, и вот, вышел между ними еще небольшой рог, и три из прежних рогов с корнем исторгнуты были перед ним, и вот, в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно»

«Ну и ну! Как странно!» - подумал я. Особенно озадачило меня описание маленького рога. Что это такое? Затем, когда я прочел стих 25, то нашел какие-то намеки на объяснение этого маленького рога: «И против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон...»

«Любопытно», - подумал я. Маленький рог будет иметь какое-то отношение к святым Всевышнего. Конечно, «святые Всевышнего» - это евреи.

Кого еще мог назвать Танах⁸ «святыми Всевышнего», как не евреев? Я был уверен, что эти тексты описывают антисемитизм, но кто был вдохновителем его, кто этот маленький рог? Ответа я не знал.

День за днем в голове у меня неотступно вертелся вопрос: *«Кто этот маленький рог? Кто преследовал евреев, пытаясь изменить их праздничные времена и закон?»* Для меня это были насущные вопросы, потому что я сам пострадал от антисемитизма. С того времени мне удалось немало прочесть о его истории в России. Я часто задумывался, как может мой народ избавиться от него, но единственное, что приходило в голову, - это эмиграция в Израиль. Для меня стало настоящим открытием то, что Книга Даниила словно предсказала появление антисемитизма. Интересным было и то, что таинственный маленький рог вышел из ужасного четвертого зверя, который, как я понял из дальнейшего, представлял собой Римскую империю. Иосиф Флавий, Фейхтвангер и другие писатели сообщали, что римляне были первыми, кто упорно преследовал евреев. Но кто должен был прийти после римлян? Кто тот, кто продолжает преследовать евреев - «святых Всевышнего»? Чем больше я размышлял над этим вопросом, тем важнее становилось для меня найти ответ на него. Мне казалось: сумею я определить, кто этот маленький рог, можно было бы выявить корни современного антисемитизма.

Неотступно размышляя об этих проблемах, я продолжал посещать занятия в иешиве. Однако вопросы о 7-й главе Книги Даниила и о маленьком роге я держал при себе и просто слушал то, что говорилось на лекциях. Наступило время празднования Пасхи, по-еврейски Песах, наиболее священные дни во всем еврейском календаре, и раввин прочел нам лекцию о Песахе. Он объяснил историю первой Пасхи, которую евреи праздновали в Египте, в ночь своего избавления.

«Невидимый Бог явил Свое всемогущество египтянам, - говорил раввин, - Он наказывал их, но главная цель Его была не в этом. Бог стремился убедить евреев в том, что, будучи невидимым, Он присутствует с ними. Несколько поколений израильтян наблюдали, как египтяне служат своим богам, имевшим

самые разные обличья, такие, как жаба, овца или вол, и многие из евреев также принимали участие в этом идолослужении.

Агнец, которого они должны были съесть в ту пасхальную ночь, фактически символизировал египетские божества. И Бог хотел показать, что Он не присутствует ни в каком образе и что этот агнец - просто мясо и ничто иное. Мы должны помнить об этом, когда будем участвовать в пасхальном Седере⁹ и вспоминать чудеса невидимого Творца».

Слова раввина произвели на меня большое впечатление. «Каждый еврей, - продолжал он, - должен смотреть на себя так, будто это он лично участвовал в исходе из Египта. Евреем является тот, кто отождествляет себя с историческим опытом своего народа. Это можно было бы описать как своего рода внутреннюю конверсию, внутреннее духовное переживание избавляющей силы Божьей, достигающей нас посредством священного ритуала Седер. Тот, кто не разделяет этого опыта, может формально оставаться евреем, но он находится за пределами общины во всяком духовном смысле». Я сознавал важность и торжественность святого дня и хотел приобщиться к глубокомысленному и серьезному переживанию Пасхи.

Через две недели после празднования Песах в православное пасхальное воскресенье я очутился в центре Киева, и внимание мое привлекла огромная толпа у Владимирского собора. Многие люди, толпившиеся у храма, были пьяны. Заплетающимися языками они выговаривали друг другу традиционное «Христос воскрес!» и получали такой же ответ «Воистину воскре-се!» Эта картина произвела на меня удручающее впечатление.

Неожиданно мне пришла мысль о маленьком роге, который попытается изменить праздничные времена и Закон. Почему они празднуют языческий праздник, называемый ими Пасхой вместо Песах? В конце концов я знал, что все апостолы Христа были евреями. Раввин называл их предателями, но вначале все они были иудеями, включая Павла. Так вот, если все основатели христианской церкви были евреями, почему христиане празднуют языческий

ритуал Пасхи вместо священного служения Пасхи? И почему они соблюдают языческое воскресенье вместо субботы?

В одной из многочисленных исторических книг я прочел интересное письмо, написанное во II веке епископом Антиохийским. Он призывал христиан полностью порвать с евреями, изгнать всех евреев, принявших Христа, из церквей и отказаться от соблюдения еврейских обычаев, что, вероятно, и повлекло за собой замену субботы воскресеньем.

Чем больше я размышлял об этих вопросах, тем прочнее укреплялся в мысли, что христиане полностью изменили все священные дни, установленные в Танахе. Я знал, что Танах, или Ветхий Завет, как называют его христиане, является частью христианской Библии. Предполагая, что христианам известно, о чем там написано, я не мог понять, почему они не следуют ему.

«Кто изначально внес эти перемены?» - спрашивал я себя. Может быть, тот же, кто создавал христианскую Церковь. И, конечно, каждому известно, что создал ее человек по имени Иисус Христос. А если это был Он, то, должно быть, Он же научил людей изменить праздничные дни и закон! Я сразу подумал о памятном тексте из 7-й главы Книги Даниила. Не есть ли это ключ к разрешению волнующей меня тайны о маленьком роге и страшном звере? В течение четверти часа, стоя у собора св. Владимира и наблюдая за происходящим, я боролся с этими шокирующими мыслями. «Возмечтает отменить у них праздничные времена и закон», - проносилось в моем сознании. И Его последователи празднуют языческую Пасху вместо Песаха. Они соблюдают языческое воскресенье вместо субботы. И, конечно, поскольку Он изменил закон, Он же стоит и за всеми преследованиями евреев и антисемитизмом, потому что пророчество говорит: «Будет угнетать святых Всевышнего». Моя теория, казалось, вполне соответствует истории, потому что истребление евреев во время крестовых походов было организовано католической Церковью, а погромами в России мы были обязаны православию. Раввин в иешиве говорил нам, что папа римский активно поддерживал даже геноцид, проводимый гитлеровцами.

Я не сомневался в таком истолковании пророчества Даниила о маленьком роге. Взмолвленный, я с облегчением чувствовал, что наконец проник в эту запутанную тайну. Более того, мучительный вопрос об антисемитизме получил свое разрешение. Теперь мне стало ясно, что делать. Необходимо всему миру сказать о том, что маленький рог - это ложный Мессия, Иисус Христос! А самое важное - я должен сказать евреям, что их главным врагом был не Гитлер, а Иисус Христос.

Глава 6

Как-то вечером в сентябре 1989 года на одном из занятий в иешиве раввин объявил: «На следующей неделе приглашаю всех вас посетить особую церемонию в память о трагедии в Бабьем Яре. Это 48-я годовщина того страшного события, и на церемонии будут присутствовать представители правительства нашей страны, посланцы Израиля и Соединенных Штатов. Для нас будет отведено особое почетное место, и я надеюсь, что все вы не откажетесь присутствовать там». Конечно же, мы все согласились.

Хотя я никогда не был в Бабьем Яре, я все же слышал об ужасных событиях, некогда происшедших там.

В сентябре 1941 года, во время нацистской оккупации Киева, немцы распорядились всем евреям собраться в Бабьем Яру, по всему городу висели плакаты с таким приказом. Проигнорировать его или не повиноваться ему было бы очень рискованно, и выполнение его контролировалось. Всем евреям было позволено принести с собой столько личных вещей, сколько они могли унести в руках. Таким образом, утром 29 сентября 1941 года со всех концов Киева в направлении Бабьего Яра двигалось множество еврейских семей: дедушки и бабушки, отцы и матери, многие из которых катили детские коляски, а дети постарше шли рядом, помогая нести семейные пожитки. По мере подхода все новых и новых семей нацисты выстраивали их в ряды. Собравшиеся вытянулись

уже на семь километров. Медленно продвигаясь вперед, люди проходили через различные посты, где их постепенно освобождали от взятых вещей. На первом посту им было приказано оставить чемоданы, на втором - пальто, часы и ювелирные украшения, и так далее на каждом посту. В конце концов, оставшись только в белье, они достигли последнего пункта, где их ожидали нацистские солдаты с ружьями наперевес. Группу за группой фашисты препровождали к огромному оврагу, где расстреливали несчастных и сбрасывали вниз. Это массовое убийство продолжалось в течение двух дней, и за это время было уничтожено 100 тысяч еврейских мужчин, женщин и детей.

И вот теперь, спустя сорок восемь лет, я вместе с другими студентами иешивы стоял в этом страшном месте. Впереди возвышался огромный монумент, воздвигнутый в память погибших. На высоком бетонном постаменте группа металлических тел переплелась в предсмертной агонии. Более всего меня поразила фигура молодой матери со связанными за спиной руками, которая, приподнявшись над мертвыми и умирающими, пыталась грудью накормить своего младенца, лежащего тут же. Не в силах смотреть на этот монумент, я отвел глаза в сторону.

В тот же момент кто-то прикоснулся к моему плечу и что-то вложил мне в руку, тут же скрывшись. Я увидел у себя в руках книгу с названием Габрит Гахадаша-. К тому времени я уже мог читать по-еврейски и перевел название: «Новый Завет». Отметив, что книга написана на современном иврите, я недоумевал, о каком новом завете в ней говорится. Однако, не имея времени читать книгу теперь, я положил ее в карман, решив просмотреть позже.

На следующий день в иешиве раввин собрал всех студентов и сказал: «Вчера группа предателей распространяла среди вас книги. У кого эти книги с собой?»

Мы все встали. «Дайте их мне», - потребовал раввин. Мы выложили перед ним около 25 книг, и он, собрав их в охапку, на наших глазах бросил в горящий камин. «Вот что вам следует делать, когда такая книга снова попадет вам в руки!» - сказал он. Я понял, что эти книги, вероятно, и есть Новый Завет,

которым пользуются христиане. «Нам абсолютно не о чем говорить с христианами! - продолжал раввин. - Пусть идут своей дорогой. Мы не пытаемся обратить их в иудаизм, и они не должны стараться обратить нас в христианство! Но каждому из вас следует знать, - пристально оглядывая присутствующих, добавил он, - что с этого момента каждый из вас, прикоснувшийся к этой проклятой книге, берет на себя кровь шести миллионов евреев, убитых Гитлером, и кровь многих миллионов евреев, убитых крестоносцами и инквизиторами». Это было страшное проклятие, и мы все в тот момент решили никогда больше не прикасаться к оскверняющей книге.

В ту осень, продолжая посещать вечерние занятия в иешиве, я поступил на физический факультет Киевского университета. Комнату в общежитии я делил со своим близким другом, Игорем Чайка, которого звал только «Чайкой» с тех пор, как познакомился с ним в семилетнем возрасте.

Чайка был очень умным парнем, проявляя незаурядные способности в физике и математике. Кроме того, у него было два увлечения, приобретенных в последние годы обучения в школе: он читал Библию и слушал западный «тяжелый» рок. В то время в Советском Союзе и то, и другое считалось весьма предосудительным, но Чайка каким-то образом ухитрялся сочетать оба пристрастия.

Я помню тот день, когда он пригласил меня к себе домой и вытащил откуда-то довольно потрепанную на вид книгу. Это была Библия. Открыв ее, мой друг начал вслух читать мне, но непривычный стиль изложения со многими устаревшими славянскими словами и оборотами оказался барьером для понимания этой книги. «Как он может читать это!» - думал я. Однако всего за несколько месяцев Игорь от корки до корки прочел это старое Синодальное издание Библии и даже многое понял.

Другим своим увлечением Чайка был обязан Алексею, одному из наших одноклассников, который в качестве подарка ко дню рождения однажды принес ему запись рок - группы AC/DC. Вскоре у Чайки появились также записи рок - группы Металлика.

Таким образом, наша комната в общежитии Киевского университета превратилась почти что в студию «тяжелого» рока благодаря непрерывно грохочущей из магнитофонных колонок музыке и плакатам с изображениями музыкантов вышеуказанных групп, развешенных по стенам. Чайка наслаждался не только музыкой, но английскими текстами песен, которые он пытался переводить. Знание Библии пригодилось ему, когда он распознал некоторые библейские мотивы в песнях. «Послушай-ка! - воскликнул он, обращаясь ко мне однажды. - Они используют библейские слова и даже поют о Христе, но изображают Его все-таки в негативном свете».

Оставаясь довольно равнодушным к музыке, я положительно оценил его замечание, соответствовавшее моей неприязни ко Христу. Я даже поделился с Чайкой некоторыми мыслями, почерпнутыми мною в иешиве и Ветхом Завете, в частности, объяснил ему мою теорию «маленького рога», описанного в 7-й главе Книги Даниила. И чем больше я слушал эту музыку, тем сильнее становилась моя ненависть к Иисусу Христу.

Однажды Чайка познакомил меня с двумя своими приятелями, Ильей и Игорем. Илья был поэт, и мы вчетвером любили собираться вместе, чтобы послушать его стихи - в них в основном говорилось о смерти. Илья читал их нам, а мы обсуждали почерпнутые из его поэзии эксцентричные теории и восхваляли его огромный талант, указывая на необходимость срочной публикации его шедевров. Во время одной из таких встреч я поделился своей неприязнью к Иисусу Христу и изложил друзьям свою теорию «маленького рога». Выслушав меня, все пришли к выводу, что мне необходимо познакомиться с Гришей.

Вскоре после того Илья представил меня Грише, длинноволосому молодому человеку с недобрыми глазами. «Гриша - сатанист, - объяснил Илья. - Я думаю, у вас много общего, ведь он тоже терпеть не может Христа. Его мечта - пробраться во Владимирский собор и как-нибудь посильнее осквернить его». Мы говорили с Гришей несколько часов. Я поведал ему о своей ненависти ко Христу и христианам, а он рассказал мне о своей любви к сатане. Послушав нас,

Илья и Игорь окрестили меня «Иудой», и вскоре среди металлистов и сатанистов Киева я стал известен под этим именем.

Время от времени сатанисты просили меня выступить с какими-либо обвинениями Христа на их собраниях. «Иуда, ты хорошо знаешь Библию, - говорили они. - Расскажи нам что-нибудь из Библии. Кто такой, по-твоему, Иисус Христос?» Они, хотя бы немного, читали свои сатанистские библии, но Ветхого Завета никогда не держали в руках, и потому им было очень любопытно, что там говорится. Я пытался было объяснить им кое-что из Книги Даниила и, в частности, о «маленьком роге», который, по моим представлениям, символизировал Христа, но им не хватало образованности, чтобы оценить мои исторические аргументы. Им просто хотелось, чтобы я говорил что-нибудь плохое о Христе, пока они будут потягивать спиртное из бутылок. Оставаясь в приятельских отношениях с ними, я осознавал, что на самом деле у меня очень мало общего с этой группой людей, состоявшей по преимуществу из примитивных выпивох и криминальных элементов.

Однажды, когда мы с Чайкой сидели в университетском кафетерии, он вдруг задал мне вопрос, от которого я чуть было не свалился со стула. «Иуда, - сказал он, - ты когда-нибудь читал Новый Завет?»

«Никогда не читал и никогда не прочту», - ответил я.

«Иуда, - засмеялся он, - это глупо. Ты можешь ненавидеть Христа, как и я, но это не значит, что тебе нельзя ничего знать о Его жизни. На самом деле, это интересно. По крайней мере, тебе стоит прочесть Нагорную проповедь. В ней много мудрых вещей».

«Перестань, Чайка, - остановил я, - ты же знаешь, что я еврей. Я не могу брать в руки это барахло».

Но Чайка был не из тех, кто легко отступает. «Если ты не можешь читать Новый Завет только потому, что ты еврей и должен делать лишь то, что положено еврею, тогда тебе не следует больше встречаться с нами, потому что мы не евреи», - объявил он, показав рукой на друзей, сидевших за столом.

Это звучало убедительно. Формально он был прав - мне не следовало общаться с неевреями (такучил нас раввин в синагоге), но почему-то относился к такому запрету не столь серьезно, как к запрету читать Новый Завет, Меня страшило проклятие раввина, падавшее на всех тех, кто по своей воле возьмет в руки Новый Завет, и я не хотел нести на себе кровь миллионов погибших евреев. Но, с другой стороны, я видел непоследовательность в том, что воздерживался от чтения Библии и в то же время близко дружил с неевреями.

«Ну же. Иуда, - настаивал Чайка, -ты же понимаешь, что я не пытаюсь обратить тебя в христианство. Но это такая тупоголовость - думать, что если ты узнаешь что-нибудь об Иисусе Христе, то предашь свой народ. Ты не обязан верить Ему или следовать за Ним: просто это любопытно. Никогда не думал, что ты такой косный». Мне было трудно осознать, что Чайка действительно очень серьезно побуждал меня прочесть Новый Завет. Мы были знакомы почти всю жизнь и десять лет сидели за одной партой в школе, и никогда прежде он так не настаивал, чтобы я прочел что-нибудь. Не желая лишиться его дружбы, я в конце концов пообещал взглянуть на запрещенную книгу.

Глава 7

Я открыл книгу и прочел на титульном листе:

Новый Завет
Господа нашего
Иисуса Христа

Перевернув следующую страницу и взглянув на содержание, я задумался - с чего же начать... Евангелие от Матфея не представлялось чем-то таким, во что мне хотелось бы вникнуть, потому что слово «евангелие» у меня ассоциировалось с православной литургией. Пропустив все четыре Евангелия, я увидел книгу под названием «Деяния Апостолов». Мне определенно не хотелось ничего знать о деяниях этих предателей! Мне уже достаточно было

известно. Затем следовал целый ряд посланий Павла, этого архипредателя¹⁰. «Да он немало написал писем», - думал я, перелистывая послания к Римлянам, Коринфянам, Галатам, Ефесянам... Что такого важного в этих письмах, что христиане включили их в Библию? Создавалось впечатление, что они прямо-таки поклонялись этому Павлу. Я не мог удержаться от воспоминаний о 54-х томах ленинских трудов.

Продолжая перелистывать страницы, я вдруг наткнулся на название, которое остановило меня: Послание к Евреям. *К евреям?* Как это может быть? Что вообще могли христиане сказать моему народу? Разве они не все сказали своими крестовыми походами? Меня озадачило, что христианский Новый Завет содержит письмо к евреям. Искушение узнать, о чем Павел писал евреям, было слишком велико, и я принялся читать.

Первые три главы, посвященные Христу, показались мне навязчивым призывом верить в Него. Неужели они действительно думают, что я вот так возьму и поверю? Почему я должен верить, полностью полагаясь на их слова?

Особенно раздражающими показались мне слова из 3-й главы (стихи 7-9): «Почему, как говорит Дух Святой, «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня и видели дела Мои сорок лет»».

«Вот это да! - подумал я. - Они пытаются использовать исход и события в пустыне против меня. Конечно, у евреев были проблемы с повиновением Богу в пустыне, но у этих христиан нет никакого права утверждать, что тот же самый голос Бога теперь просит меня верить во Христа, и что, сопротивляясь этому призыву, я ожесточаю свое сердце, подобно евреям на пороге обетованной земли!» Меня крайне раздражало, что Павел пытается сравнивать неверие израильтян в пустыне с моим отказом поверить во Христа как в Мессию. Я не видел никакой связи между этими вещами и негодовал на такую параллель. Однако, несмотря на свой гнев, я продолжал читать Послание к Евреям и нашел 4-ю главу скорее озадачивающей, чем раздражающей. Стих 4 особенно привлек мое внимание: «Ибо негде сказано о седьмом *дне* так: «и почил Бог в день

седьмой от всех дел Своих»». Это совершенно сбило меня с толку. Как в христианском письме могут использоваться аргументы, основанные на субботе? Дальше - больше: Павел не только цитировал Тору (см. Быт 2:2; Исх. 20:11), но в стихе 9 писал: «Посему для народа Божия еще остается субботство». И, конечно, я знал, что народ Божий - это евреи.

Изумленный, я не мог разрешить эту новую загадку. Либо Послание к Евреям противоречило всему Новому Завету, либо Христос и Новый Завет не запрещали празднование субботы.

Я помнил слова раввина от том, что христианские миссионеры, вручающие Новый Завет евреям, желают, чтобы евреи отреклись от своей веры и перестали быть евреями. Но как эта книга могла заставлять меня отречься от моего еврейства, если в Послании к Евреям она говорила, что «народ Божий» должен соблюдать субботу? Но еще более непонятным оказалось то, что Павел сказал в конце 4-й главы: «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса, Сына Божия, будем твердо держаться исповедания *нашего*» (стих 14). А это как могло быть? Если бы Сам Христос, думал я, услышал, что Павел называет Его еврейским Первосвященником, то Он, наверное бы, не обрадовался! Я думал, что Христос был врагом евреев и подобный титул явился бы для Него большим оскорблением. И потом - что имел в виду Павел, говоря «будем твердо держаться исповедания нашего»? Ведь он был еврей и писал евреям, а разве нашим исповеданием не является иудаизм? В таком случае как следует понимать слова раввина о том, что Павел был самым величайшим предателем еврейской веры? Если бы он пытался отвратить меня от еврейства, то зачем советовал продолжать соблюдать субботу и держаться моего исповедания?

Чем дальше я читал Послание к Евреям, тем больше удивлялся. На страницах этого послания Павел продолжал все теснее связывать Христа с иудейским храмовым служением. В моем сознании это были несовместимые вещи. Как мог Иисус Христос выполнять так много ролей в храмовом служении? Как Он, враг евреев, мог быть их Первосвященником? Казалось, что

все эти беспокойные вопросы и идеи не стыкуются между собой, и где найти на них ответы, я не знал.

Глава 8

Прошло около двух месяцев с тех пор, как Чайка вынудил меня читать Новый Завет. Однажды, ворвавшись в комнату с озорной улыбкой на лице, он выпалил: «Иуда, у меня есть кое-что интересное для тебя. Ты, я знаю, уже встречался с православными, а как насчет пятидесятников? Ты когда-нибудь слышал о таких сумасшедших?»

Я помнил упоминание о пятидесятниках в школе, на лекции Раисы Михайловны, специалиста по сектам. Она сказала, что какие-то пятидесятники где-то съели троих детей на своих богослужениях! Я напомнил Чайке об этой лекции и спросил, неужели в Киеве есть пятидесятники? «Да! – ответил он с энтузиазмом. - Я познакомился с одним, и он совсем не похож на каннибала! Он, между прочим, студент нашего университета и живет в 623-й комнате». Я не мог поверить, что людоед живет так близко. «Насколько я понимаю, - продолжал Чайка, - эти пятидесятники тоже какие-то христиане, так что если хочешь проповедать свою теорию о маленьком роге, то вот тебе поле деятельности. Сегодня в пять часов собирается их группа в 421 -и комнате».

Я взглянул на часы. Было без пяти минут пять. Поколебавшись минуту, я сказал: «Пойдем». Но чем дальше мы шли по длинным коридорам и переходам, с каждым шагом приближаясь к комнате 421, тем сильнее билось мое сердце и тяжелее передвигались ноги. Чайка тоже приуныл. «Ты все еще хочешь побывать там?» - спросил я его. Он не был в этом уверен. Казалось, что мы оба очень явственно помнили лекцию Раисы Михайловны, услышанную пять лет назад.

Почти машинально мы развернулись и побрели назад. Пройдя несколько метров, взглянули друг на друга и, снова развернувшись, направились в сторону

комнаты «людоедов». Но нашей решимости хватило всего на несколько шагов. Так мы топтались в коридоре несколько минут... Наконец, Чайка не выдержал: «С меня хватит! Делай что хочешь, а я не пойду!» - сказал он.

Мы вернулись к себе. Я присел и попробовал рассуждать здраво: «Может быть, они все-таки не едят детей прямо здесь, в общежитии? Да и я достаточно крупный парень, чтобы они решились напасть на меня!» Желание увидеть этих странных людей и хотя бы что-то узнать о них превозмогло все сомнения.

Я вытащил свой талисман - большую серебряную звезду Давида на серебряной цепи, надел ее на шею в надежде, что она будет оберегать меня. Решившись, я встал и, быстро пройдя по коридорам, очутился в комнате «каннибалов».

Это была тесная, забитая людьми комнатка, в которую все время кто-то заходил, - сидели уже и на кроватях, и на полу. Я присел у самого входа. Собрание уже началось, выступал один из студентов, которого, я знал, звали Ваня. Он с радостным возбуждением повторял имя Иисуса, повторял его так часто, что меня начало мутить.

«Иисус любит вас. Он любит вас такими, какие вы есть. Он может простить все ваши грехи, даже если они очень тяжелые и их очень много», - он продолжал повторять почти одно и то же, и я не видел никакой логики в его высказываниях, слишком захлестывали его эмоции. Неожиданно Ваня закончил свою сбивчивую речь призывом: «Если кто-то из вас хочет покаяться, даже если вы раньше уже каялись, то давайте помолимся и попросим прощения у Иисуса».

Это было ужасно. Все присутствующие в комнате опустили на колени, и мне стало совсем плохо, потому что как мог я склониться перед этим лжецом и мнимым Мессией? Почему Ваня призывал меня молиться врагу евреев? Одна мысль об этом была мне ненавистна, и я остался неподвижно сидеть на своем месте.

Молитва продолжалась невероятно долго, и мне казалось, что ей конца не будет. Наконец Ваня открыл глаза и увидел меня, одиноко сидящего на кровати. Его взгляд задержался на моей звезде Давида. Я заметил промелькнувшее в его

глазах выражение настоящей печали, когда он подошел ко мне и отрывисто спросил: «Брат, почему ты не молился?». Это был хороший вопрос, и я использовал его как начало для дискуссии. «Ты просишь меня молиться этому Иисусу и думаешь, я стану? - произнес я. - С таким же успехом ты мог бы попросить меня преклониться перед сатаной и молиться ему!» Бедный Ваня был в шоке. «Ты не понимаешь, - сказал он, - Иисус любит тебя. Он действительно любит тебя, хотя ты носишь это, - и он дрожащей рукой указал на звезду Давида, висевшую у меня на груди. - Он все равно любит тебя», - голос Ван и задрожал, и он быстро вышел из комнаты.

Противоречивые чувства охватили меня, когда я слушал его. С одной стороны, он выглядел почти испуганным, но в то же время уверял, что Иисус любит меня. Казалось, будто он заставляет себя выговорить эти слова, и я ставил под сомнение его искренность. Я думал, что все знаю о Христе. Но мне стало интересно: если Ваня не искренен, почему же тогда он говорит «Иисус любит тебя»? Ваня отнесся ко мне совсем не так, как единственные встретившиеся мне раньше христиане - православные. Как только они видели мою звезду или просто узнавали, что я еврей, то объявляли с неколебимой определенностью, что ад со всеми его муками с нетерпением ожидает момента моего прибытия. Эти христиане были убеждены, что Иисус никоим образом не мог любить меня, еврея.

Почему же тогда Ваня сказал, что Иисус любит меня? Это было непонятно. Среди присутствующих в комнате я неожиданно узнал другого студента - Николая, четверокурсника с кафедры астрономии. Уж его-то я никогда не ожидал встретить среди христиан, потому что примерно полгода назад знал его как любителя «закладывать за воротник» и заядлого курильщика. Среди православных это допустимо, но те, кто принадлежал к «сектам», насколько мне было известно, не курили и не пили. Будто прочитав мои мысли, Николай сказал: «Господь спас меня. Ты помнишь, что всего несколько месяцев назад я был другим. Знаешь, с Его помощью я бросил курить всего за два дня». Мне понравилось то, что Николай сказал о

Боге, а не об Иисусе Христе. «Я не пью уже пять месяцев. У меня совершенно другая жизнь», - добавил он.

Это было удивительно. Я мысленно сравнил сказанное Николаем с тем, что видел у сатанистов, ежедневно совершавших возлияния, да и с самим Чайкой, который тоже любил выпить. Не имея склонности к выпивке, я всячески избегал общества пьющих. Поэтому человек, отказавшийся от алкоголя, вызывал у меня уважение.

«У нас больше общего, чем ты думаешь, - продолжал Николай. - Ведь христианская церковь вышла из иудаизма. Все апостолы были евреями. Сам Христос тоже был евреем. Мы чтим Танах, который в нашей Библии называется Ветхим Заветом».

«Да, - ответил я, - мне уже достаточно известно о христианстве, и я знаю о том, что Христос и Его апостолы были евреями - к сожалению. Они предали еврейскую нацию и ввели в богопоклонение много языческого, а вы, христиане, убивали евреев за то, что они отказывались служить вашим идолам. Ты говоришь, что у вас в Библии есть все наши книги, но они ничему вас не научили, потому что по сути своей вы были и остаетесь язычниками. Вы поклоняетесь изображениям и молитесь перед ними, а нас, не делающих этого, называете «убийцами Христа» и преследуете!»

Я был вне себя и чувствовал напряжение, возникшее в комнате, но Николай оставался совершенно спокоен. «Понимаю твою горечь, - отозвался он, - я знаю, как сильна ненависть христиан к евреям, но считаю, что эта ненависть от сатаны. Мы протестанты, и, как ты мог заметить, в этой комнате нет никаких икон».

Войдя, я не обратил на это внимания, но теперь, оглядевшись, убедился, что Николай прав. «Мы не молимся никаким идолам, добавил он, - мы верим, что только Бог слышит наши молитвы. Пожалуйста, не сердись на Ваню. Он тоже совсем недавно стал христианином, но все мы еще грешники. Если захочешь узнать о нас больше или поговорить с нами, всегда будем рады увидеться с тобой здесь. Никто не заденет твоих чувств. У нас, повторяю, много

общего, и мы понимаем, что ты хорошо разбираешься в Ветхом Завете. Нам было бы очень интересно поговорить с тобой на эту тему когда-нибудь».

Они хотят что-то услышать от меня? - я не верил своим ушам.

«Завтра здесь будет наш руководитель, Олег, - сказал в заключение Николай. - Его христианский опыт побольше, чем наш - он уже три года в вере. Думаю, он сможет тебе сказать больше моего. Я не сомневаюсь, что тебе будет интересно поговорить с ним, а ему с тобой».

В свою комнату я вернулся почти в шоке. Протестанты. Я читал о них в учебнике истории, помнил что-то о Лютере, который восстал против папы, и на этом мои познания заканчивались. Но того, что пятидесятники, так мрачно охарактеризованные когда-то на школьной лекции, тоже являются протестантами, я не знал. Эти ребята, конечно, не были людоедами. Напротив, общаться с ними оказалось очень полезно и интересно. В них не чувствовалось антисемитизма. Ваня как будто бы даже слегка побаивался меня. Наверное, я был слишком резок с ним, подумал я. И почему он сказал, что Иисус любит меня? В православной церкви я такого бы никогда не услышал! На память пришло то ужасное посещение Покровского монастыря, когда нас с невесткой Светой выгнали из храма.

Но эти протестанты совсем не походили на сложившийся у меня образ христиан. Никаких икон, никакого пьянства, открытые и дружелюбные... Они даже пригласили меня приходить опять, несмотря на мое вызывающее поведение! Я решил, что, хотя они и говорят глупости о *своем Христе*, это все-таки славные люди и мне стоит пойти на их следующее собрание.

Через 24 часа я снова находился в комнате номер 421. Олег, тот самый «опытный христианин», оказался рыжеволосым молодым человеком двадцати трех лет. Его манера говорить значительно отличалась от Ваниной- Он не казался мне лицемерным, а то, что я услышал, было гораздо более вразумительно. Несмотря на его довольно странные для меня суждения об Иисусе Христе, меня заинтересовало то, как он связывал Новый Завет с Ветхим.

Начав с Евангелия от Матфея, Олег пытался показать, как ветхозаветные пророчества о Мессии исполнились в Иисусе Христе.

Внешне внимательно слушая его, я внутренне смеялся. И он думает, что я поверю в это? Кто-то говорит, что пророчество исполнилось в Иисусе Христе, и я должен верить в это? Ни Олег, ни Матфей не сумели убедить меня. Я только что закончил чтение Евангелия от Матфея, и оно меня несколько не впечатлило.

Аргументы Олега оставили меня равнодушным, чего нельзя сказать о его личности. В конце собрания он подошел ко мне и сказал: «Рады снова видеть тебя здесь. Николай говорил мне о тебе. Я знаю, что ты учишься в школе раввинов, никогда прежде не встречались мне подобные люди.

Знаешь, вы, евреи, имеете преимущество перед нами в изучении Ветхого Завета. Если у тебя найдется что-нибудь почитать из этой области, я был бы очень признателен».

Какой славный парень! - подумал я. - Конечно же, надо дать ему почитать то, что пишут настоящие евреи! Совсем не хочется, чтобы он думал о своих Евангелиях как о единственных еврейских писаниях после Танаха!

Прибежав в свою комнату, я схватил стоявшую на полке книгу «Поучения Отцов» и снова помчался в комнату номер 421. «Вот это ему будет неплохо прочесть!» - думал я, вручая книгу Олегу.

«Начну читать сегодня же», - сказал он, принимая ее из моих рук.

Глава 9

Через неделю я пришел в комнату Олега. «Какая интересная книга, - сказал он с энтузиазмом, - в ней так много мудрости и можно найти немало серьезных духовных уроков».

Я был счастлив, что книга понравилась. «У меня вопрос к тебе, - продолжал Олег. - Поскольку, без сомнения, ты много читал еврейской

литературы, скажи, как ты понимаешь особые пророчества, предсказывающие появление Мессии?»

«Что ж, - ответил я, - здесь нет проблемы. Уверен, что Мессия придет очень скоро. Величайшие из наших раввинов описывали то восхитительное время, когда Он придет. Все евреи соберутся в Иерусалиме и станут великой нацией. Я должен дать тебе книгу нашего великого раввина Маймонида. Много веков назад он предсказал, что возродится величие Израиля, но это будет сопровождаться большой войной. Мессия поможет нам победить в этой войне и заново отстроить Храм. И это пророчество, произнесенное в XII веке, начинает исполняться».

Поскольку Олег слушал очень внимательно, я продолжал: «Ты знаешь, что сегодня государство Израиль существует, и по всем приметам скоро начнется война, поэтому я убежден: осталось не так много времени до пришествия нашего Мессии».

Поразмыслив немного, Олег спросил: «А что ты думаешь по поводу того, где будет рожден Мессия?»

Раздумывая над ответом, я понял, что это тупик. Ответа у меня не было. Я понятия не имел, где предстоит родиться Мессии. Олег открыл Библию и показал мне место из Книги пророка Михея 5:2-5, где говорилось: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных... И станет Он, и будет пасти в силе Господней, в величии имени Господа Бога Своего, и они будут жить безопасно, ибо тогда Он будет великим до краев земли. И будет Он - мир». .

Было ясно, что этот отрывок определенно говорит о Мессии. «Ты, наверное, читал Евангелие от Матфея, - продолжал Олег. - Там сказано, что Иисус родился именно в Вифлееме, как и предсказано в пророчестве».

«Ну и что из этого? - возразил я. - Сколько людей родились в Вифлееме за последние две тысячи лет? И кто же из них Мессия? Я не спорю, что Иисус был рожден в Вифлееме - это факт, но один этот факт все еще не дает Ему права

называться Мессией. Не нужно показывать мне отрывок из Евангелия от Матфея, где говорится, что через некоторое время после рождения Иисус оказывается в Назарете - я об этом уже читал. Но сколько людей рождались в Вифлееме, а потом переезжали в Назарет?! Кто из них Мессия? А может быть, Мессия еще вообще не родился?». Олег потер рукой. Казалось, что он не знает, как ответить, а потому я продолжал: «Я должен дать тебе еще одну книгу. Ты когда-нибудь слышал о «Мишней Тора»? Это величайшее творение нашего учителя Рамбама. Прочти ее и увидишь, какой учит о Мессии». Я принес Олегу книгу, и мы расстались.

Через три дня он, постучавшись, вошел в мою комнату. «В этой книге немало интересного, - сказал он, - и она во многом перекликается с Новым Заветом».

«Бред!» - подумал я. Рамбам сам сказал в своей книге Морэ-Невухим, что всякий, кто прикоснется к Новому Завету, станет предателем! Как может хотя бы одна из его мыслей перекликаться с Новым Заветом?

«В новозаветные времена, - объяснил Олег, многие евреи верили, что Мессия окажется великим полководцем, который освободит нацию от римского ига. Ваш раввин, Рамбам, имел такое же представление о Мессии. Но, убежден, он был весьма мудрым человеком. Мне было бы крайне интересно узнать, что он думает об отрывке из 53-й главы Исайи».

«Что там еще, в 53-й главе Исайи?» - раздумывал я. Эту главу мне не довелось читать, да и в иешиве и в синагоге я ее никогда не слышал. Как только Олег ушел, я открыл Библию:

«Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его»(стих 3). «О ком говорит Исайя? - недоумевал я. - И почему Олег считает, что это описание Мессии?»

Я продолжал чтение. «Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, *что Он* был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира

нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились... Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (стихи 4, 5, 7).

Я никогда не слышал об этом страдающем слуге прежде, и, прочитав всю главу, был озадачен и полностью сбит с толку. Как мог подобный отрывок быть описанием Мессии - Того, Кто принесет счастье и радость и сделает Израиль великой нацией? И почему Мессии предстоит страдать, если Он придет, чтобы дать нам избавление?

После почти двухнедельных размышлений над этим отрывком я, наконец, подошел к Олегу с вопросом. «Так в чем же здесь проблема? - спросил он. - То, что ты говоришь, правильно, но ты думаешь о Его Втором пришествии. Он действительно вернется на нашу землю снова, чтобы спасти все человечество и построить Свое царство. Этого пришествия мы ожидаем. Христианство не есть религия, уповающая на мертвеца. Наш Мессия жив, но когда он был здесь, на этой земле, он *уже* взял на Себя наши немощи и понес наши болезни. Он был изъязвлен за наши грехи и мучим за наши беззакония, наказание мира нашего было на Нем, и Его ранами мы исцелились. Да, Он умер за наши грехи, но мы надеемся увидеть Его снова - и на этот раз Он явится во славе и могуществе и обновит нашу землю». «Ну да, - радостно поддержал я, - здесь есть что-то общее. И мы, и вы ожидаем Мессию. Похоже, что у нас одинаковые ожидания. Мне кажется, проблема может быть разрешена очень просто - ведь Он скоро придет, а когда Он придет, мы просто спросим Его, приходил ли Он на землю до этого или нет».

«Интересное предложение, - заметил Олег, - остается только один вопрос – как узнать, что ты будешь спасен Им? Я полагаю, что ты, так же как и я, веришь в праведность Мессии, а если у тебя есть грехи и ты еще не переложил их с себя на Него, то, возвратившись, Он не сможет спасти Тебя от них. Он придет забрать уже однажды спасенных от греха. Как ты представляешь себе искупление своих грехов - тех, которые совершаешь сегодня?»

«Очень просто, - ответил я. - У нас есть писания раввинов и есть Тора, где содержится 613 заповедей. Соблюдай их - и это сделает тебя праведным перед Богом».

Глаза Олега от изумления расширились. «Шестьсот тринадцать? - воскликнул он. - Так много! А как узнать, что исполняешь все? А что если одну нарушишь? Что потом ты должен сделать?»

«Этот парень вгонит меня в гроб, - подумал я, а вслух спросил: - Разве ты не читал «Мишней Тора», которую я давал тебе? Рамбам говорит, что, поскольку у нас больше нет Храма и храмового служения, единственный путь получить прощение - искреннее покаяние».

«Да, я читал об этом, - отозвался Олег. - Но как он мог так легко переступить через свою собственную Тору? Тора строго требует жертвы за каждый грех, большой или малый. Разве он не верил в Тору?»

Я не знал, что сказать. Естественно, я не допускал и мысли, что великий Рамбам не верил в Тору. Должен быть какой-то ответ на все эти вопросы, и я задался целью найти его.

Была пятница, поздний вечер, когда я вышел из комнаты Олега. Медленно идя по длинному коридору, я мысленно спросил себя: действительно ли я соблюдаю все 613 заповедей? Фактически уже завтра я собирался нарушить одну заповедь. Я верил в необходимость поддерживать святость субботнего дня, но понимал, что на самом деле это далеко не всегда удавалось мне. По пятницам после обеда в синагоге часто совершалась молитва (минха), которая при заходе солнца сопровождалась служением маарив. Но довольно часто по субботам из-за нехватки раввинов в синагоге вообще не проводилось служение. А когда в университете у меня были какие-либо ответственные мероприятия, например экзамены, я сдавал их в субботу.

После разговора с Олегом я оказался перед дилеммой. Утром мне предстоял экзамен по специальности. Я весьма увлеченно посещал занятия и неделями готовился к этому экзамену, и вот впервые передо мной возник вопрос: должен ли я сдавать этот экзамен в субботу? Как мне поступить?

Следует ли мне добровольно нарушить заповедь, а затем искренне покаяться? В таком подходе было что-то лицемерное.

В ту ночь во мне происходила борьба за завтрашний день. И вдруг пришло решение: если Бог действительно реален и если Он действительно хочет, чтобы я соблюдал Его заповеди, то Он должен сделать что-нибудь, явив мне Свою волю. С этой мыслью я, наконец, уснул.

Утром я отправился на экзамен. Потратив около 45 минут на письменное задание, я подошел к профессору для устного ответа. Взглянув на мою работу, профессор помрачнел. Мне неясна была причина его недовольства, поскольку мы хорошо знали друг друга, а в заданной теме я неплохо ориентировался. «Шульзингер, - сказал он наконец, - я сожалею, но вы ни на один из вопросов не дали правильного ответа. Наверное, что-то не так с вами сегодня, вы больны или что-нибудь еще. Отправляйтесь домой и приходите снова через пять дней, когда, я надеюсь, вам станет лучше».

Это и был ответ. Бог реален! Он слышал, что я сказал Ему в молитве и дал мне прямой ответ. «О, нет, - сказал я себе, - больше никаких занятий по субботам. Если Он так реален, Он поможет мне разрешить эту проблему».

И с тех пор я никогда не приходил на занятия и даже на экзамены в субботний день.

Глава 10

Жизнь в общежитии для меня осложнилась. Мой сосед по комнате, Чайка, все чаще и чаще напивался и нередко приводил в комнату своих собутыльников, и тогда большую часть ночи происходила пирушка под громкий аккомпанемент рок-музыки.

«Иуда, - пьяно выдохнул он однажды, - ты чего это все ходишь туда, на христианские собрания? Забыл, что ты еврей?» - и засмеялся, в то время как мне было совсем не до смеха.

Минуло уже более трех месяцев с тех пор, как Чайка предложил посетить комнату «людоедов». За это время я сполна ощутил теплоту и дружелюбие собиравшихся там людей, хотя они и назывались христианами. За полтора года моего обучения при синагоге у меня не возникло никаких по-настоящему тесных дружеских отношений с окружающими меня людьми, поскольку большинство из них подолгу не задерживались в школе, при первой возможности уезжая в Израиль.

Христианские собрания происходили уже не в комнате 421 - теперь группе верующих разрешили собираться в небольшом холле общежития. Каждый вечер там можно было встречаться для молитвы и общения, и я знал, что всегда могу пойти туда и найти собеседника. Это помогало мне избавиться от одиночества.

В группе проводились регулярные еженедельные занятия по изучению Библии. Организовали их пятидесятники, но участвовали в них также двое баптистов и еще один или двое других христиан. В течение года пятидесятники десять раз приглашали на эти занятия для выступлений своего пастора. На меня он не произвел особого впечатления. Человек несомненно верующий, все же страдал недостатком интеллектуальности. И одежда, и манера говорить были весьма несуразны. Он работал ночным сторожем в аэропорту.

Его выступления обычно состояли из трех пунктов: 1) молитва; 2) разговор о грехе и путях избавления от него; 3) проявление духовных даров. Он никогда не проповедовал, опираясь на Библию, а приводил примеры из собственной жизни и давал советы. Всякий раз он появлялся в сопровождении некоего «пророка».

Пророк, впервые увиденный мною, выглядел человеком достаточно напыщенным. Его пророческий дар состоял главным образом в обличении тайных грехов молодежи. Он высказал определенное количество упреков молодым людям, похотливо взирающим на девушек или делающим кое-что и похуже. Пророк рассказал нам об одном из своих пророчеств, которое уже исполнилось. Он предсказал кару Божью одному особенно закоренелому

грешнику. Спустя недолгое время грешник погиб в автокатастрофе. Пророк чрезвычайно гордился этим, подчеркивая, что обладает даром видения. Мне не нравилось присутствовать на встречах с пророком, и я обычно покидал их задолго до окончания.

Олег и Николай чувствовали, что я не проникаюсь интересом к их пастору и пророку.

«Не придавай особого внимания внешности, Яша, и даже тому, как он говорит. Человек смотрит на внешнее, но Бог судит сердце». И хотя ребята цитировали мне даже Танах в подтверждение своей мысли, это как-то не убеждало.

Однажды Олег спросил: «Яша, а почему бы тебе не пойти со мной в нашу церковь в воскресенье?» Раздумывая над приглашением, я невольно вспомнил тот горький опыт, который выпал мне со Светой в православной церкви. Но Олег и Николай отнюдь не были антисемитами, и их церковь, должно быть, тоже была другой.

«Хорошо, - сказал я, - пойдем».

В половине девятого утра в воскресенье Олег уже стоял у моей двери. Я не думал, что мне понадобится головной убор для посещения церкви, но на всякий случай сунул в карман носовой платок.

Выйдя из общежития, мы направились к Харьковскому шоссе, где сели в трамвай, идущий в восточную сторону города. Пятидесятническая церковь располагалась в многоэтажном доме, где жил пастор. Поскольку у него было семеро детей, государство выделило ему две трехкомнатных квартиры на одном этаже. Стену между двумя квартирами убрали, и таким образом получилась большая комната для собраний верующих.

Мы с Олегом вошли в комнату перед самым началом служения. Сразу было заметно, что она разделена на две большие части: мужскую и женскую. Заняв свое место на мужской половине, я осмотрелся. Присутствующих здесь женщин практически невозможно было разглядеть, так как они были наглухо замотаны в платки и шали. Их юбки доходили почти до пола, а на ногах у всех я заметил плотные темные чулки, хотя на улице было совсем тепло.

Когда я спросил у Олега, почему они так одеты, он напомнил слова Христа, приведенные в Евангелии от Матфея, о том, что даже взгляд с вождением на женщину есть, по сути, грех прелюбодеяния.

«Но как же у вас совершаются браки? - спросил я.

Олег объяснил: когда молодому человеку понравится какая-нибудь девушка из общины, то есть если особое чувство возникает в его сердце при взгляде на нее, то он должен сразу же идти к пастору церкви и назвать ему имя той, которая вызывает в нем это чувство. После этого пастор посетит родителей девушки и поговорит с ними и с нею примерно следующим образом: «Брат Иван очень хороший парень и никогда не впадал в грех. Он всегда был верен Богу, но теперь всякий взгляд на вашу дочь смущает его ум и сердце, а вы знаете, что Христос сказал по этому поводу. Так что, сестра, я думаю, что ты как добрая христианка не позволишь своему брату впасть в грех».

«Какая странная религия», - подумал я.

После проповеди пастора пять человек из общины поделились своими мыслями в русле сказанного проповедником. Все вместе это заняло около 45 минут. Затем началась молитва. Я остался сидеть на стуле, в то время как все остальные опустились на колени.

Неожиданно какое-то приглушенное стенание послышалось в первых рядах. Я подумал, что кому-то из присутствующих стало плохо. Но странная звуковая эпидемия постепенно охватила всю комнату, и люди вокруг меня начали произносить странные, утробные звуки, сопровождаемые всхлипами и вскриками. Некоторые раскачивались взад и вперед, другие стояли на четвереньках. «Да это сумасшедший дом!» - решил я.

Меня интересовало, как долго это продлится, и я то и дело переводил взгляд с людей на часы у себя на руке. Шум, казалось, все возрастал; наконец, он достиг своего апогея и понемногу стал утихать. «Молитва» заняла больше часа. Затем я с облегчением узнал об окончании собрания.

Когда мы оказались на улице, Олег спросил, понравилось ли мне богослужение. «Да, конечно», - пробормотал я, но для себя решил, что никогда больше не переступлю порог этого бедлама.

Глава 11

Несмотря на то, что церковь, куда меня пригласил Олег, произвела весьма неблагоприятное впечатление, я продолжал ходить на христианские встречи в общезнании. За те пять месяцев, в течение которых я общался с христианами, я начал все больше размышлять о Боге и ощутил большую, чем раньше, близость с Ним. Разговоры об образе христианской жизни - о скромности, чистоте и сострадании к людям - заставили меня по-иному взглянуть на собственную жизнь и ее соответствие закону Моисея, который по-настоящему я никогда не соблюдал. Христиане помогли мне представить своего Творца как личность, а не только как объект национальной гордости или предмет теологических дискуссий.

Тем не менее, общаясь с христианами, я продолжал регулярно посещать синагогу. Одной из причин тому было желание найти ответ на поставленный Олегом вопрос о «страдающем рабе» в 53-й главе Книги пророка Исайи. «Кто этот страдающий раб?» - продолжал спрашивать я себя. Несомненно, ответ на этот вопрос существовал.

Я не решался спрашивать об этом раввина - ведь он мог поинтересоваться, где я столкнулся с подобным вопросом. Узнай он, что я общаюсь с христианами, а тем более посещаю их небольшой библейский класс, то он непременно проклял бы меня. Я помнил его жесткую реакцию, когда нам подарили в Бабьем Яру Новый Завет, и мне совсем не хотелось подпасть под то страшное проклятие, которое он тогда произнес! Поэтому, вместо того чтобы спрашивать, я проводил вечер за вечером в библиотеке иешивы, просматривая множество различных

книг и комментариев в надежде найти разъяснение странного образа страдающего раба, принявшего на себя грехи и боль всего мира.

И вот, после нескольких месяцев поисков, я наткнулся на ответ. Он оказался в одном интересном комментарии, написанном великим раввином средневековья - Раши, рабби Соломоном, сыном Исаака. Говоря о 53-й главе Книги Исая, раввин цитировал 44:21, вот этот текст: «Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой; Я образовал тебя: раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня».

Согласно толкованию Раши, Исайя называл «страдающим рабом» из 53-й главы своей книги Иакова - Израиля! «Ну конечно же! - подумал я. - Этот раб, который страдал, как агнец, - народ Божий, то есть Израиль!» Израиль претерпел столько преследований на протяжении более чем полутора тысяч лет со времени разрушения Иерусалима. Это отражено во множестве документов.

«Маленький рог» из Книги Даниила тут же пришел мне на ум. «Он... будет угнетать святых Всевышнего». Святые Всевышнего -это, конечно же, еврейская нация! Казалось, все снова сходится. Маленький рог, Христос, говорит богохульные слова и изменяет закон и праздничные времена. Он преследует святых, святую израильскую нацию, которую Бог называет в 53-й главе Исая Своим страдающим рабом. Я обрадовался: по меньшей мере, будет что ответить Олегу.

Когда, несколько дней спустя, я высказал ему все это, он не согласился с тем, что этот страдающий раб символизирует Израиль. «Как жизни этих людей могут быть жертвой искупления за грехи всего мира?» - спросил он. Это был еще один вопрос, ответ на который я дать не мог.

Меня изумляло, что Олег, христианин, так хорошо знает Танах. Знакомые мне православные не уделяли ему особого внимания. Само именование Завета в русском переводе «Ветхим» говорило о чем-то отжившем свой век. Православные провозглашали Новый Завет главной книгой христианства, утверждая, что ветхозаветные книги не более чем исторические повествования и рассказы о последствиях грехов живших в те дни людей. Но Иисус, говорили

они, все изменил и дал совершенно новые заповеди, потому-то Ветхий Завет уже не заслуживает большого внимания. Тогда почему же Олег и другие мои протестантские друзья столь заинтересованно его изучают?

К этому времени я совершенно забыл, что моей изначальной целью вхождения в христианский круг было показать, что Христос есть маленький рог из 7-й главы Книги Даниила. Ребята-христиане нравились мне, выгодно отличаясь от других обитателей общежития. В их небольшой группе глубокомысленные рассуждения не были следствием бутылки водки и пачки сигарет. Их тактичность в отношении моих религиозных чувств позволяла мне естественным образом вливаться в их общество.

Однако я все еще не мог определить причину столь различного отношения к Ветхому Завету моих друзей и православных христиан. И вот как-то на одной из встреч я решил при всех задать этот вопрос Олегу. «Скажи мне, - спросил я, - ты действительно веришь, что Ветхий Завет - это вдохновенное Слово Божье?» •

Николай, сидевший рядом со мной, ответил скорее: «Конечно да! Мы верим, что Ветхий Завет - святая, написанная по Божественному вдохновению Книга, и это часть святой Библии».

«Если бы я не верил в святость Ветхого Завета, - добавил Олег, - то как бы я смог поверить, что Христос по пророчеству приходил в этот мир, умер и воскрес? Какой пророк в Новом Завете говорит об этом? Только ветхозаветные пророки!»

Этот ответ заинтриговал меня, но я не удержался от другого вопроса, буквально сорвавшегося с языка: «Если вы верите, что Ветхий Завет есть святая Божья Книга, то разве вам не известно, что она называет святым Божьим днем субботу? Почему, же вы празднуете воскресенье?»

Минуты три в комнате было тихо. Олег смотрел на Николая, Николай на Олега. Остальные восемь человек тоже переглядывались, раздумывая над ответом. В течение этой паузы я обратил внимание на нового среди нас молодого человека, сидевшего в отдалении. Он ни на кого не смотрел выжидающе. Именно он

медленно поднялся со своего места и сказал: «Не хочу говорить за всех, здесь присутствующих, но я - адвентист седьмого дня и соблюдаю святость субботы. Я христианин и верю, что Христос умер за мои грехи и благодаря крови Его я получил искупление. Но я также верю, что нужно чтить всю Библию, включая Десять заповедей святого Закона Божьего, данных в Ветхом Завете, и придерживаться закона о чистой и нечистой пище».

Это заявление сразило меня наповал. «Что это за христианин, - подумал я, - который соблюдает субботу и даже исполняет закон кашрута (законы о чистой и нечистой пище)?» Я мгновенно почувствовал особую связь между нами и начал мысленно называть его «коллегой».

Чем больше времени я проводил с Толиком, своим новым христианским другом, тем сильнее становились моя привязанность и уважение к нему. Я не мог не восхищаться человеком, который, несмотря на свои традиционные христианские взгляды, признал святость Божьего дня - субботы. И он принимает законы *кашрута*!

Единственное, с чем я не мог смириться, - Толик верил в этого лжеца - Иисуса и считал Его своим Господом и спасителем. Но тем не менее я испытывал к Толику огромную симпатию. Он происходил из русской христианской семьи, а потому для него было естественным представлять Христа Богом.

Для себя же я решил, что эта душа не должна быть потеряна. Толика надлежит обратить в иудаизм, думал я. Так Толик стал главным объектом моего внимания и интереса.

Вскоре после моего знакомства с Толиком в нашей группе состоялась интересная дискуссия о «даре языков». Поскольку мне ни разу не приходилось читать о таком даре в Танахе, я лишь внимательно слушал полемику по этому поводу между баптистами и пятидесятниками. Наконец Толик, единственный в нашем обществе адвентист седьмого дня, высказал предположение, что разрешить этот спор по справедливости можно с помощью адвентистского пастора, который не является ни баптистом, ни пятидесятником.

На следующей неделе на нашу встречу пришел пастор. Он сразу же понравился мне: аккуратно одетый, прекрасно держался и говорил. У него не было специального богословского образования, но серьезные познания в Писании обнаружились сразу же. Его речь была грамотна, логична, и он методично обсуждал один библейский отрывок касательно дара языков за другим. Послания Павла он знал удивительно хорошо, что произвело сильное впечатление не только на меня, но и на ребят-пятидесятников.

В следующую пятницу вечером, вместо того чтобы пойти в синагогу, я отправился вместе с Толиком в адвентистскую церковь. Она располагалась в довольно большом доме, специально переоборудованном для богослужений. В главном зале даже был балкон, что мне весьма понравилось, потому что напомнило синагогу. Правда, в отличие от последней, женщины здесь сидели в общем зале вместе с мужчинами.

Весьма положительное впечатление произвело на меня большое изображение каменных скрижалей Закона Божьего - оно помещалось позади кафедры.

Проповедь пастора оказалась вполне удовлетворительна. На основании Ветхого и Нового Заветов он обосновывал важность соблюдения субботнего дня. Единственное, что мне не понравилось, это призыв молиться Христу в тех случаях, когда возникает проблема с соблюдением субботы. Все остальное увиденное и услышанное мною заставило меня почувствовать себя почти дома.

В тот вечер я возвращался в общежитие взволнованным. Как приятно было видеть более 500 человек, верящих в Десять Заповедей, соблюдающих субботу и употребляющих только «чистую пищу». Такие люди вполне достойны обрезания! Мне так хотелось, чтобы они узнали и прочувствовали великое наследие иудейской религии. Их единственным изъяном мне представлялась вера во Христа, Которого они считали Сыном Божьим. Я решил, что нужно помочь этим людям обратиться в иудаизм.

Глава 12

Как-то вечером, вскоре после посещения церкви христиан адвентистов седьмого дня, я зашел в комнату Толика в общежитии. Входя, я случайно услышал, как он быстро прошептал находившемуся вместе с ним в комнате юноше: «Этот парень иудей, он учится при синагоге и интересуется нами, но, пожалуйста, не произноси в его присутствии имя Иисуса Христа». Мне понравилась такая деликатность в отношении моих религиозных чувств.

Скоро выяснилось, что Сергей тоже адвентист. Он задавал много вопросов о синагоге и еврейских традициях. Я захватил с собой «Танию» (сборник речей) раввина Шнеура Залмана. Эту книгу я купил после своего первого посещения синагоги в Киеве. Заинтересованный особенностями иудаизма, Сергей увлеченно рассматривал книгу и задавал вопросы по ее содержанию. Я был рад поделиться с ним некоторыми глубокими философскими мыслями о Божестве, почерпнутыми мною из этой книги. Он слушал очень внимательно, и это окрыляло меня.

После того как Сергей ушел, я обратился к Толику со словами: «Можно задать тебе один откровенный вопрос?»

«Конечно», - ответил он.

«Ты действительно на все сто процентов уверен в том, что Христос, Которому ты поклоняешься, есть настоящий Бог?»

«Да, я верю, что это именно так. По крайней мере, пророчества Ветхого Завета предсказали Его появление».

Он взял Библию и, открыв ее, прочитал уже знакомое мне место из Книги Михея 5:2: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных».

«Ну что ж, - подумал я, припоминая нашу дискуссию с Олегом, - эти христианские аргументы мне знакомы - их нетрудно будет опровергнуть».

«Да, - сказал я Толику, - я согласен, что этот текст доказывает, что местом рождения Мессии будет Вифлеем, но разве там говорится, что именно Иисус Христос будет Мессией? Сколько младенцев уже родилось в Вифлееме и сколько их еще родится! Я верю, что когда-то один из них и окажется Мессией!

«Что ж, это логично, - отозвался Толик, - но в Ветхом Завете есть множество других пророчеств о Христе. Например, у Исаяи в 53-й главе: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились».

«Мне всегда было интересно узнать иудейскую точку зрения на эти тексты», - добавил он.

Я указал Толику на 44-ю главу Исаяи, из которой выводил, что этот раб есть Израиль, или Иаков.

«Это пишет тот же Исаяя, - сказал я, - но здесь словом «раб Мой» называется Израиль, а не Мессия. Речь в 53-й главе идет о еврейской нации, так много пострадавшей от преследований христиан. Сколько евреев приняли мученическую смерть в средние века в результате погромов!»

Поскольку Толик слушал не перебивая, я решился на последний откровенный шаг: «Кстати, - сказал я, - эти преследования были предсказаны в Библии, и тебе сейчас придется узнать кое-что очень интересное об Иисусе Христе». Взяв Библию Толика, я открыл Книгу Даниила 7:25 и прочел: «И против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них *праздничные* времена и закон».

«Кто этот маленький рог? - спросил я. - Кто угнетает святых Всевышнего и отменяет у них праздничные времена и закон, которому, как ты веришь, нужно повиноваться? Посмотри на христианскую церковь. Кто, кроме вас, адвентистов, верит в святость субботы?

Ты математик, и, надеюсь, согласишься, что если «А» равно «В», а «С» равно «В», то это означает, что «С» и «А» - одинаковые величины. Так что если Христос есть родоначальник христианской церкви, со всем ее ложным почитанием воскресного дня, а «маленький рог», как сказано, попытается подменить субботу воскресеньем, то кто же, по твоему, Христос? Не есть ли Он «маленький рог» из 7-й главы Книги Даниила?»

Толик и на это ничего не сказал, поэтому я продолжал: «Думаю, что вы, адвентисты, хорошие люди, но в вашей теологии есть большая неувязка. Нельзя верить в субботу и в то же время в Иисуса Христа, подменившего субботу воскресеньем!»

Внимательно глядя на Толика, я недоумевал, почему он хранит молчание. Я не мог понять, почему он не возражает мне, особенно когда я говорю о христианской церкви. Наконец он заговорил, и то, что он сказал, потрясло меня еще больше, чем его молчание.

«Яша, - сказал он, - адвентисты седьмого дня согласны почти со всем, что ты сейчас сказал».

Потрясенный, я не верил своим ушам.

«Мы считаем, - продолжал он, - что христианская церковь отступила от библейских принципов. Мы признаем перенесение святости субботнего дня на воскресенье деянием церкви, не имеющим библейского основания.

Но с чем я не могу согласиться, так это с твоим взглядом на Христа, когда ты называешь Его «маленьким рогом» из Книги Даниила. Да, христиане действительно веками жестоко проявляли свою ненависть к евреям. Верно и то, что государственная церковь преследовала евреев в России и в Европе, но ты не можешь обвинять Христа в том, что Он положил этому начало. Христос любит каждого человека на земле».

Он взял свою Библию и раскрыл ее на Евангелии от Иоанна: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16)

«Видишь, что тут сказано? - Толик показал мне текст. - Христос не хочет, чтобы кто-либо погибал. Даже если это еврей. Ты знаешь, что Он Сам на земле был евреем, и Он любит всех - всех без исключения. Как было Ему не любить Свой народ?»

«Да, - возразил я, - есть некоторые консервативные иудейские раввины, которые верят в то, что Христос был хорошим Учителем, но Его апостолы попытались обожествить Его и изменить все еврейские обычаи».

«Не согласен с тобой, - отозвался Толик, - ты, кстати, знаешь, что апостолы соблюдали субботу? Посмотри Деяния 13:14, там сказано: «Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, войдя в синагогу в день субботний, сели». Посмотри дальше стихи 42 и 44: «При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу», «в следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие». В Македонской колонии, в Филиппах, где большую часть населения составляли неиудеи, апостолы также встречались с верующими в субботу: «В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом...» (Деян. 16:13)

«Заметь, - сказал Толик, - апостолы не только ходили к иудеям в синагогу по субботам, но приглашали туда и язычников в этот день. Павел никогда не пытался перенести день богослужения с субботы на воскресенье».

Это было для меня ударом. Я сразу вспомнил свое потрясающее открытие в Послании к Евреям, 4:9, где говорилось, что для народа Божьего еще остается суббота. Но теперь я услышал, что Павел сам проповедовал в субботу на богослужении язычникам! Это было нечто неожиданное. Я почувствовал, как теряют силу мои аргументы, основанные на 7-й главе Книги Даниила.

«Думаю, - сказал Толик, будто прочтя мои мысли, - что ты увидишь свою ошибку в идентификации «маленького рога», когда прочтешь Книгу Даниила внимательнее. Ты найдешь объяснение в 9-й главе».

Медленно направляясь в свою комнату, я пытался представить себе, что же ждет меня в 9-й главе Книги Даниила. Выходит, Толик согласился с большей

частью сказанного мною... Как странно: получается, что он, христианин, лучше разбирается в Ветхом Завете чем я, еврей.

Приблизившись к двери своей комнаты, я обрадовался столь редко царящей внутри тишине: обычно оттуда неслись грохочущие ритмы и высокочастотные пассы любимой моим соседом музыки.

Оказавшись в комнате без посторонних, я решил взглянуть на 9-ю главу Книги Даниила. Пробегая глазами текст, я искал разгадку волновавшего меня вопроса. В содержании главы, казалось, выделялись тексты 24-26: «Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых.

Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится *народ*, и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена.

И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения».

«Семьдесят недель», - подумал я. Очень интересный момент. Семьдесят недель равны 490 дням. Мне живо вспомнилась лекция в иешиве, когда приехавший из Израиля раввин рассказал нам, что израильтяне должны были блуждать в пустыне 40 лет, расплачиваясь за свой 40-дневный ропот у самой границы Ханаана: за каждый день восстания пришлось расплачиваться годом странствий. Мне также известен был высказанный в Книге Иезекеиля принцип: «День за год Я определил тебе» (Иез. 4:6). Этот принцип, «день за год», упоминался и в не которых других местах Священных Писаний, потому я не сомневался, что Даниил здесь скорее всего имеет в виду годы, а не буквально дни.

Особое недоразумение при исследовании этого отрывка вызвали слова о том, что Мессия будет «предан смерти». Это было действительно новое понятие. Мне никогда и в голову не приходило, что Мессии предстоит умереть. Как такое может быть? Я знал только то, что писал раввин Рамбам о приходе Мессии и восстановлении Храма. Но почему Мессия должен быть предан смерти?

А вот и самая пугающая фраза во всей 9-й главе: «А город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет...»

О чем здесь идет речь? Неужели должно произойти еще одно разрушение Храма после его восстановления, а, может быть, это однажды уже произошло в прошлом? Я сразу же осознал, что единственным путем ответа на этот вопрос будет подсчет периода семидесяти седмин: каким годом он окончится. Даже при самом поверхностном чтении отрывка было несложно приблизительно представить, какой это срок - семьдесят седмин.

Но неожиданно жуткая мысль шевельнулась в моем сознании: «Прокляты кости того, кто возьмется рассчитывать время конца!» Так раввин в иешиве произнес проклятие Талмуда в тот день, когда сжигал врученные нам в Бабьем Яру книги Нового Завета. В последовавшей затем неистовой лекции он перечислил отдельные ветхозаветные отрывки, которые используют христиане для обращения евреев. Глава 9 Книги Даниила была одним из них.

«Строжайшим образом запрещается высчитывать эти семьдесят недель, - объявил раввин. - Страшное проклятие падет на всякого, кто попытается делать подсчеты семидесяти недельного периода».

Я знал, что проклятие «сокрушенных костей» - самое ужасное из тех, которые можно получить. Подобное проклятие описывалось в первых двух текстах 37-й главы Книги пророка Иезекииля, где пророк видел долину, усеянную сухими костями. Эти кости были прокляты - вот почему они раздробленные лежали в высохшей долине.

Поскольку мне не хотелось, чтобы мое будущее являло собой сухие раздробленные кости, я закрыл Ветхий Завет и попытался забыть о всяких расчетах.

Но избавиться от мыслей было не так-то легко. Что может скрываться в этой запрещенной главе?

Однажды ночью, возвращаясь в поезде домой, я не мог уснуть. Неотступная мысль сверлила мой мозг: «Должен ли я вычислить этот период? Должен ли я сделать это?» Я боялся сказать «да», догадываясь, что полученная дата приведет меня ко дням Христа. Ворочаясь с боку на бок, я наконец забылся беспокойным сном. Внезапно почудилось, что кто-то произносит слова из Евангелия от Марка: «Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников» (Мк. 14:41).

Голос повторял эти слова снова и снова, и непосильным бременем они ложились на мою душу. «Сын Человеческий, Сын Человеческий, Сын Человеческий...», казалось, выстукивали колеса поезда.

Я резко поднялся и сел на постели. Что это за странное переживание, в чем его смысл? У меня снова возникло впечатление, что нужно рассчитать семидесятидневный период, но страх не позволял этого сделать. Я знал: единственное, чего мне недостает, чтобы произвести расчет, это даты появления декрета о восстановлении Иерусалимского храма.

Спустя несколько недель, снова вернувшись в Киев, я пришел в библиотеку иешивы. Вопрос о периоде в семьдесят седмин все еще ждал ответа. Сделав вид, что сосредоточенно перелистываю книги на своем столе, я как бы невзначай обернулся к сидевшему сзади Хаиму: «Когда, по-твоему, Ездра получил разрешение восстанавливать Иерусалим?»

«Где-то в 460 или 450 году до н.э.», - ответил он. «Вот оно», - сказал я себе. Быстро прибавив к этой дате 483 пророческих «дня» (или 69 «недель»), я получил 30 или же 35 год н. э. Было ясно - расчеты указывают на время земной жизни Иисуса Христа. Эти цифры каждому известны! Но все это означало, что

Даниил предсказал разрушение Храма и указал на Христа как на Мессию. Невозможно! Такой ответ был для меня неприемлем!

Глава 13

Я пытался забыть обнаруженное мною в 9-й главе Книги Даниила, но мое сознание все еще было взбудоражено. Если мои расчеты оказывались верными и это пророчество на самом деле указывало на Христа как на Мессию и предсказывало разрушение Храма, то почему тогда наши великие раввины не открыли этого? Как же Маймонид, Раши или наш великий раввин Шнеур Залман? Почему они не пришли к тому же заключению? И почему в конце концов Талмуд проклинаят всякого, кто попытается рассчитать период семидесяти седмин, о котором говорится в главе 9 Книги Даниила? Создавалось впечатление, что раввины, писавшие Талмуд, были достаточно проницательны, чтобы вычислить это время, иначе зачем бы им под страхом проклятия запрещать другим делать то же? Они достаточно хорошо знали Писания, чтобы обнаружить это странное пророчество.

В один из тех тяжелых дней, когда я был подавлен множеством остающихся без ответа вопросов, мне попала на глаза интересная маленькая книжица, выставленная на продажу в синагоге. Она называлась Юд Бейт Тамуз («Одиннадцатый день Тамуза», месяца, соответствовавшего июню и июлю), и повествовала о великом раввине Иосифе Ицхаке Шнеерсоне. Я решил купить ее и начал читать уже по пути в университетское общежитие. С каждой страницей раввин Шнеерсон все более заинтересовывал меня. Сталин приговорил его к смерти, но при довольно странных обстоятельствах он неожиданно получил освобождение и разрешение на эмиграцию в США. Это произошло в 1928 году.

В книге сообщалось, что Соединенные Штаты согласны были установить дипломатические отношения с СССР на условии освобождения Шнеерсона из

тюрьмы. Это позволило покинуть СССР не только Шнеерсону, но и многим другим евреям Любавического хасидского движения".

Это таинственное событие сильнейшим образом впечатлило последователей Любавического хасидизма и самого Шнеерсона. Он решил посвятить оставшиеся годы жизни проповеди близкого пришествия Мессии. Вскоре после своего прибытия в США Шнеерсон объявил: «Нам остается начистить пуговицы своих мундиров, чтобы быть в полной готовности выйти навстречу своему Праведному Мессии и приветствовать Его».

Позднее, в 1941 году, когда Гитлер напал на Россию, Шнеерсон заявил из своего дома в США: «Мессия уже здесь. «Вот, он стоит у нас за стеною» (Песни песней 2:9). В горнем мире теперь ликование, Он уже пришел; и здесь, среди нас, Он ждет от всех евреев покаяния».

Незадолго до своей смерти в 1949 году Шнеерсон снова сказал: «Чего ждут люди? Избавление совершается!»

Мне понравилась идея о том, что Мессия появится вскоре. И если этот добрый раввин верил в возможность Его пришествия в 1930- 1940 годах, насколько ближе пришествие должно быть в 1990-м!

Чем больше я думал об этом, тем большее волнение охватывало меня. Если Мессия вот-вот появится, тогда я могу обратиться со всеми своими вопросами, включая 7-ю и 9-ю главы Книги Даниила, к Нему Самому! Мессия, несомненно, знает истину и сумеет объяснить все эти проблемы, тяжким бременем придавившие душу.

Спустя несколько недель мое волнение переросло в настоящую эмоциональную лихорадку, когда в июне 1990 года иешиву посетил один приехавший из Нью-Йорка раввин. Несмотря на очень длинную бороду, он был одет во вполне современный костюм, тогда как наши раввины обычно носили лапсердак. Тем не менее из-под пиджака у него виднелась кайма традиционных ортодоксальный цицит¹².

Стоя перед нами, раввин произнес приветствие, а затем сказал: «Хочу передать вам нечто от нашего великого раввина Шнеерсона». Зная, что раввин

Иосиф Ицхак Шнеерсон умер в 1949 году, я подумал, что наш гость имеет в виду его зятя и преемника, раввина Менахема Менделя Шнеерсона.

Гость достал письмо раввина Шнеерсона и прочел: «Что же еще могу я сделать, чтобы побудить весь еврейский народ к шумному протесту, способному приблизить пришествие Мессии? А теперь делайте все возможное, чтобы Мессия пришел, немедленно, здесь и сейчас».

Раввин обвел нас взглядом. «Почему раввин Шнеерсон говорит это?» - задал он вопрос. Мы молчали, так как не знали ответа. Тогда наш гость объяснил нам, что происходило внутри хасидского иудаизма в США в течение прошедшего года.

Шнеерсон внимательно изучал «Танию», написанную раввином Шнеуром Залманом в конце XVIII столетия. Согласно Залману, Мессия должен был прийти и спасти верующих евреев в начале второй половины VI тысячелетия (начало XVIII столетия), но к этому времени они не были найдены достойными. Однако поскольку Он не пришел в то время, то Его пришествия определенно следует ожидать перед концом текущего тысячелетия. Исходя из того, что пришествие Его неминуемо, раввин Шнеерсон особым образом занялся исследованием этой возможности.

«Третьего июня 1989 года раввин Менахем Мендель Шнеерсон заметил, что числовая ценность будущего года формирует акроним еврейских слов «это будет год чудес»»¹³.

Волнение среди присутствующих нарастало по мере того как воодушевлялся сам раввин: «И этот год, как обнаружил раввин Шнеерсон, фактически в прошлом месяце, 12 мая (1990), имеет числовой эквивалент, равнозначный еврейским словам «Это будет год, когда Я (Бог), покажу вам чудеса»» (см. Мих.7:15).

Сидящий возле меня студент вскочил со своего места. «Равви! - вскричал он. - Что же, раввин Шнеерсон имеет в виду, что Мессия придет в этом году?»

Раввин молча кивнул. Аудитория будто взорвалась. «Ура! Он скоро придет, очень скоро!» - кричали все мы. Это была самая прекрасная новость за

всю мою жизнь. Если я понял раввина правильно, значит, Мессия придет к концу текущего еврейского года, в Рош Хашана, новогодний праздник в конце сентября. До Его пришествия оставалось всего три месяца!

Глава 14

Вся синагога гудела. «Мессия грядет!» - было на устах у каждого. В ожидании великого события многие готовились к переезду в Израиль, в том числе и двое моих ближайших друзей в синагоге: Хаим и его жена Эстер, а также Нафтали со всем семейством, не исключая родителей, родных и двоюродных братьев и сестер, тетюшек и дядей.

25 июля весь класс иешивы собрался на центральном киевском вокзале для прощания с Нафтали, Хаимом и *мишпухами* (семьями). Для меня это был грустный день. Эти двое ребят были моими единственными близкими друзьями в иешиве. Только с ними я мог открыто говорить и делиться своими переживаниями.

Там, на вокзале, Хаим подошел и в последний раз обнял меня. «Не унывай, - сказал он, - Мессия вот-вот придет. Мы немедленно сообщим тебе, когда это случится, да ты и сам сразу же узнаешь, потому что такого события еще не бывало за всю историю земли!»

Я не сомневался в том, что он прав. Всего через несколько недель мы увидим нашего Мессию! Это наполняло меня огромной надеждой и смягчало боль прощания с двумя добрыми друзьями.

А через несколько дней после их отъезда напряженность на Среднем Востоке достигла своего апогея: Саддам Хусейн захватил Кувейт. Называя Ирак Вавилоном, а себя Навуходоносором, он возмечтал построить мощную «Вавилонскую империю».

В синагогу пришло еще одно письмо от раввина Шнеерсона: «Время Мессии действительно при дверях!» - писал он, и никто не сомневался в справедливости

его слов. Иракские ракеты нацелились на Израиль. Мы были полны уверенности, что вот-вот Мессия придет избавить Свой народ. Я явственно представлял себе, как рушится огромный золотой купол третьей по значению мусульманской святыни - мечети, стоящей на том самом месте, где когда-то был Храм, и наступают дни, когда истинный народ Божий возносит молитвы на том самом месте, где некогда стоял святой Храм, а не скорбит у Западной стены плача.

Несмотря на увлеченность всем происходящим и ожидаемым, я не забыл о своих христианских друзьях и по-прежнему посещал их собрания в общежитии. Во время одной из таких встреч я поднялся со своего места и сказал: «Друзья мои, сегодня совершаются великие эсхатологические события. Обратите внимание, что сообщают средства массовой информации. Ирак называет себя «новым Вавилоном». Я уверен, что нечто действительно великое произойдет с этим миром в течение следующих нескольких недель».

После собрания я отправился с Толиком на вечернее богослужение в адвентистскую церковь. Мне нравилось посещать эти богослужения, на которых нередко говорилось о важности субботы. Кроме того, я любил общаться с появившимися там у меня друзьями и с Сергеем, пастором церкви.

В автобусе я обернулся к Толику:

- Послушай, мне надо сказать тебе что-то очень важное....

- Что случилось? - встревожился Толик.

- Помнишь наш разговор о 9-й главе Книги Даниила, про рочество о семидесяти седминах?

- Да.

- Так вот, у меня до сих пор нет ответа на него, но раввин Менахем Мендель Шнеерсон говорит, что Мессия придет скоро, *действительно* скоро. В одном из наших еврейских комментариев утверждается, что время Мессии откроется тогда, когда царь персидский будет раздражать царя арабского (Ялкут Шимони, т. 2, отд. 449).

Теперь смотри, куда направляются иракские войска. Ведь они идут в Кувейт, Аравию? Это пророчество исполняется! Вот увидишь, всего через месяц, прежде чем наступит Рош Хашана, я встречу своего Мессию, и ты поймешь, что ошибался! По крайней мере ты сможешь спросить у Него, приходил ли Он сюда прежде! И я не сомневаюсь, что Он объяснит этот загадочный отрывок из 9-й главы Книги Даниила.

Толик слушал меня молча, с улыбкой. Конечно, он не верит мне. Но чем очевиднее его сомнения, тем сильнее жаждал я наступления того дня, когда Мессия действительно появится и я смогу ворваться в комнату Толика и воскликнуть: «Вот, Он пришел, а ты не верил мне! Он уже в Иерусалиме! Включи телевизор и увидишь Мессию в окружении толпы на Храмовой горе!»

Прошел месяц. С каждым днем приближения Рош Хашана мое сердце билось сильнее в ожидании великого события. Ситуация в Персидском заливе становилась все напряженнее. Все больше ракет предназначалось для Израиля. Страна готовилась к обороне.

Но где же Мессия? Придет ли Он сегодня? Завтра? На следующей неделе? Время летело все быстрее и быстрее. До Рош Хашана оставалось десять дней.

Каждый день я смотрел телевизор, изучал газеты, заглядывал в свой почтовый ящик в ожидании сообщения от Хаима и Нафтали. Увы, после прощания на вокзале я не получил от них ни одного слова. Уж не случилась ли какая-нибудь беда, думал я, -добрались ли они до Израиля? Если да, то почему не дают о себе ничего знать?

Иешива и синагога в последнее время все больше напоминали растревоженный улей – волнение, подобное моему, испытывал каждый. Скоро, очень скоро мы надеялись встретить своего Мессию. Один за другим отсчитывали мы вечера, оставшиеся до наступления Рош Хашана – девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

Наконец он наступил, последний день еврейского 5750 года. С заходом солнца начинался еврейский Новый Год, Рош Хашана. Во время занятий в

университете я совершенно не мог сосредоточиться. Слушать преподавателя было выше моих сил - да и какой толк от этих занятий, ведь сегодня придет Мессия!

Ровно в три часа дня, как только окончились лекции, я бросился в свою комнату и включил телевизор, надеясь в послеобеденном выпуске новостей услышать что-либо о пришествии Мессии. Но в том выпуске ничего не было сказано ни об этом, ни об Израиле вообще.

Медленно поползли часы ожидания. Приближалось время отправляться в синагогу, на праздничное служение в честь Рош Хашана. Несомненно, раввин сообщит нам что-либо о пришествии Мессии.

Солнце низко стояло на горизонте, и заунывные звуки шофара возвестили приход Нового года. «Это будет год великих чудес», - сказал раввин Шнеерсон, но где же эти чудеса?

Я не знал, что последний раз в своей жизни праздную Рош Хашана. И, конечно, не догадывался, что наступающий год действительно станет годом великих чудес именно для меня.

Глава 15

Долгожданный Мессия не пришел, и я впал в глубокую депрессию. Мне еще не доводилось переживать подобного разочарования - оно было намного горше утраченных и относительно идей коммунизма.

Дни и месяцы протекали в каком-то сером тумане. Мне было трудно серьезно думать о чем-либо, трудно учиться, трудно делать что-либо. Мессия не пришел, и смысл жизни оказался утрачен.

В один из таких унылых дней мой приятель из числа христиан, Олег, заглянул ко мне в комнату и предложил поехать с ним в другую часть города по каким-то его делам. Я был рад отправиться с ним за компанию.

Мы сидели в автобусе, когда разговор перешел на привычную для нас религиозную тему.

- А ведь ты, Яша, никогда не объяснял нам, как разрешаешь для себя проблему греха и искупления, - заметил Олег.

- Что ж, поскольку Храм разрушен, единственный путь получить искупление своих грехов - это искреннее покаяние, - ответил я.

- А что сказано об этом в Книге Левит, которой ты старательно следуешь?
- Олег открыл Библию и прочел: «...И возложит руку свою на голову жертвы всесожжения и приобретет он благоволение, во очищение грехов его; и заколет тельца пред Господом...»

- Смотри, - сказал он, - я делаю отсюда вывод, что во времена существования иудейского святилища грех переносился с человека на жертвенное животное. Это начало искупления. Затем каждый день, согласно 16-й главы Книги Левит, грехи всего народа вместе с кровью переносились во Святое святых, откуда раз в году удалялись вместе с козлом отпущения. Но ведь сегодня ничего подобного в синагоге не делается? Мы, христиане, возлагаем свои грехи на Иисуса Христа, а на кого ты возлагаешь их?

Для меня это был тяжелый вопрос. Я как-то не думал раньше об этой проблеме и не знал, что сказать. Меня покорили обширные знания Олега о храмовом служении и о доктрине искупления из 16-й главы Книги Левит. Казалось, что он более осознает ее важность, чем я сам! Я прочитал ему молитву Коль Нидрей, которую мы пели в синагоге каждый год во время Йом Киппура:

«Все клятвы, обязательства, обеты, связывающие нас пред судом, которыми клялись, связывали себя и не выполнили от прошлого Йом Киппура до нынешнего, да будет благословенно наступление его, - во всем этом мы раскаиваемся. Они полностью сняты с нас, недействительны и не связывают нас. Прости, Отец наш Небесный, наши долги и все грехи народа Твоего. Все беззакония наши и долги пред Тобою да будут сняты с нас. Прими молитвы наши с милостью и очисти души наши»,

Меня окрыляло чувство внутреннего очищения, вызываемое этой молитвой, но заданный Олегом вопрос показал, что Тора не предполагала такого пути искупления греха. У нас не было первосвященника, и мы не приносили жертвенной крови - даже голубя, в то время как Книга Левит требует принесения жертвы, на которую возлагались бы грехи.

Тем не менее я должен был что-то ответить Олегу, и потому снова упомянул слова Маймонида о том, что праведность достигается посредством соблюдения 613 мицвот и искреннего покаяния во дни Йом Киппура.

- Все равно неясно, почему раввин Маймонид называет покаяние средством искупления, когда в Левит ясно говорится о том, что нужна заместительная жертва за всякий грех, - настаивал Олег. - Кто замена твоей жертвы? Проблема была действительно не из легких. Я рассчитывал, что приход Мессии разрешит все подобные вопросы, но Он не пришел. Когда Он придет - я не знал.

В тот полный отчаяния момент с моих уст внезапно сорвались слова:

- В чем сущность греха, Олег? Я имею в виду в христианском понимании, потому что для меня грех всегда представлялся как нарушение одной из 613 заповедей. На меня всегда давила необходимость исполнять их, и я не знаю, что нужно делать, если упустишь что-либо, хотя бы одну из них. Раввин этого никогда не объяснял.

- Грех, - сказал Олег, - по своей сути есть отвержение любви. Бог послал Своего единственного Сына для того, чтобы никто из людей не погиб, но получил вечную жизнь. Он сделал это по любви, и всякий, кто отвергает ее, - грешник. Любовь к ближнему и принятие его любви тоже очень важны. Если ты отказываешься любить ближнего или принимать его любовь, ты - грешник.

Ничего подобного я раньше не слышал. «Грех по сути своей есть отвержение любви - любви Бога и ближнего», - эти слова Олега о многом заставляли задуматься.

На обратном пути в университет один вопрос неожиданно сорвался у меня с языка:

- Олег, как ты думаешь, я смог бы когда-нибудь стать христианином?

Олег некоторое время молчал, словно ища подходящие слова. Когда он заговорил, я заметил в его глазах слезы.

- Знаешь, мы молились о тебе каждый день. Вся наша группа, что собиралась в общежитии для изучения Библии. Я знаю - Бог любит тебя и хочет спасти. И я знаю, что Ему будет очень больно тебя потерять.

Мой прежний сарказм мгновенно исчез. Видя его абсолютную искренность, я, почти не веря себе, осознал: он настолько заботился обо мне, что думал о моей персоне *каждый день* и молился за меня! Такой любви трудно противостоять.

Мы расстались, войдя в общежитие. Несмотря на поздний час, я и не собирался спать. Слова Олега вновь и вновь звучали во мне: «Грех - это отвержение Божьей любви. Грех - это отказ любить ближнего и принимать его любовь».

Мои христианские друзья любили меня так сильно, что каждый день молились обо мне. На это способны разве что родители! Хаим, Нафтали, Чайка и Илья были добрыми приятелями, но мы никогда не были столь близки, чтобы я стал частью их каждодневных мыслей, как, впрочем, и они моих.

Не ожидал я подобного и от своих друзей-христиан. Но, независимо от моих представлений, дело обстояло именно так, и это не могло не тронуть моего сердца.

Глава 16

Это был один из редких спокойных вечеров в моей комнате, без сотрясающей стены музыки, сигаретного дыма и водки. Чайка уехал, но, несмотря на полную тишину, я никак не мог уснуть.

Мое сознание будоражили вопросы: что есть у меня в жизни? Какое будущее ожидает меня? Придет ли когда-нибудь Мессия? Если нет, чего или кого я ожидаю? Какие у меня есть на данный момент основания не верить пророчеству из 9-й главы Книги Даниила?

Я ожидал, что с приходом Мессии разъяснится значение сложных для меня библейских отрывков, но как быть теперь, когда Он не пришел? Кто даст мне объяснение, и существует ли другое объяснение пророчества о Мессии вообще, раз текст так определенно говорит, что Он будет предан смерти *прежде* разрушения Храма?

Но как это может быть, что в течение многих столетий такие великие раввины, как Раши, Маймонид и другие не могли открыть значения 9-й главы Книги Даниила? Как могло случиться, что Талмуд ни одним словом не объясняет этот текст? Напротив, вместо того чтобы прокомментировать этот отрывок, произносились страшные проклятия на того, кто попытается рассчитать период в семьдесят седмин. Не пытались ли от нас скрыть что-либо? И почему в синагоге запрещено чтение 53-й главы Книги Исаяи? С другой стороны, несложно понять, почему Маймонид и другие раввины средних веков отказывались признавать Христа Мессией, глядя, как люди, называющие себя христианами, жестоко преследовали евреев, да и не только их, во имя Христа. Как утверждают отдельные источники, Раши поначалу верил в то, что 53-я глава Исаяи говорит о Мессии, но после крестовых походов I полностью отверг это предположение. И его можно понять.

Но христиане, называвшие себя адвентистами седьмого дня, провозглашали вполне логичную и ясную весть. Она заключалась в том, что многие христианские церкви отступили от чистоты апостольского учения. Не следует забывать, что апостолы были евреями, и, кроме того, у меня сложилось мнение, что Новый Завет не отвергает закона, включая празднование субботного дня.

Я перебирал в памяти различные беседы с Олегом и Толиком, беседы, которые поставили передо мной серьезные вопросы касательно греха и искупления. Вопросы эти теперь настойчиво заявляли о себе в моем сознании: Что мне делать? Как я могу искупить свои грехи? Должен ли я забраться на крышу общежития, поймать там пару голубей и принести их в жертву за грех? Это казалось абсурдным, но если не жертва, то кто понесет на себе мой грех? В

53-й главе Книги Исаяи говорилось, что муж скорбей совершит это, но если я не принимаю этого мужа скорбей как своего Мессию, что мне делать с моими грехами?

Возражения Олега были правильными. Молитва *Коль Нидрей*, которую мы пели в каждый праздник Йом Киппур, не могла разрешить эту проблему. Она представлялась своего рода ритуалом, который отвечал запросам моих чувств, но не удовлетворял требованиям реальности. Устраняла ли молитва грехи? Совершала ли она то, что требовала Тора? Если нет, то я оставался непощенным грешником многие годы и самым серьезным образом нуждался в Ком-то, Кто мог освободить меня от моих грехов.

Что если Христос действительно Мессия? - размышлял я. И что будет, если я приму Его? Что подумают обо мне другие студенты в иешиве? Я стану предателем - самое худшее, что может быть для еврея. Меня будут называть выкрестом - иудеем, принявшим христианское крещение. Выкрест - это позорное слово. Нам постоянно напоминали, что выкресты всегда были нашими злейшими врагами - худшими, чем иезуиты или инквизиция.

В то время как я боролся с этими казавшимися неразрешимыми вопросами, другой голос неожиданно заговорил во мне, и он заглушал прочие мысли: «Взвесь все «за» и «против». Что для тебя важнее - искупить свои грехи или не оказаться предателем в глазах окружающих? И даже если ты примешь Христа как Мессию, это не значит, что ты повернешься спиной к иудаизму. Ты же не собираешься прийти в синагогу и сделать там что-либо грубое или оскорбительное. Кого ты боишься ранить, принимая Христа? Разве это повредит раввину? Или Хаиму? Как твое решение может нанести ущерб синагоге?»

«Твое решение - твое личное дело, - продолжал голос. - Это никого больше не касается. У тебя нет никаких злонамеренных замыслов по отношению к кому-либо. Фактически ты никому не причинишь этим боль. Но если ты не примешь Христа и твои грехи не будут прощены, то сам ты пострадаешь! Даже если позже ты узнаешь, что Христос не Мессия, разве ты теряешь что-нибудь сейчас, принимая Его?» Аргументы этого голоса были

разумны и вески. Больше ничего было сказать. Я должен был принять решение, и я принял его, Я спокойно уснул.

Проснувшись через два часа отдохнувшим и бодрым, я привел себя в порядок и поспешил вниз, в маленькую комнату, где Олег и остальные мои христианские друзья, как я знал, собирались каждое утро в семь часов на молитву. Удивление отразилось на лицах моих друзей, когда я вошел в комнату. Я никогда раньше не приходил на их утренние молитвенные собрания

- ведь там не беседовали, а только молились.

- Почему ты пришел сегодня так рано? – спросил Олег.

- Я принял Его.

Олег, Николай, Толик и остальные переглянулись, но ничего не сказали.

- я принял Его, - повторил я.

Олег и Толик во все глаза смотрели на меня и наконец одновременно, с дрожью в голосе переспросили: «Ты имеешь в виду... Христа?»

-Да, - ответил я.

Огромная радость вспыхнула в их глазах.

- Ты хочешь вместе с нами помолиться Ему? — спросил Олег.

- Да.

Мы опустились на колени. «Господь наш Иисус Христос, - молился Олег, - благодарим Тебя, что Ты послал Духа Святого Яше, и привел его к истине Слова твоего, к принятию Тебя как Спасителя и Искупителя. Аминь».

Впервые во время этой молитвы имя Иисуса Христа не заставило меня поежиться. Я действительно чувствовал себя обретшим Друга и уже не сомневался в том, что никогда не пожалею о принятом в эту ночь решении.

Глава 17

Теперь, приняв Христа как своего Мессию, я столкнулся с другой проблемой: продолжать ли обучение в иешиве? Почти все необходимое для получения диплома я выполнил, оставалось учиться всего несколько недель.

Будущее представлялось неясным, я понимал, что диплом может оказаться важным документом. Неизвестно, для чего и когда, но он может понадобиться мне. Кроме того, пройдя полный курс обучения, овладев ивритом, было бы просто стыдно остаться без диплома.

С другой стороны, мне, принявшему Христа, продолжать посещать иешиву и синагогу несколько странно. Мне не хотелось лицемерить.

К счастью, весь ноябрь занятия в иешиве не проводились, так что решение проблемы отодвигалось. Но вскоре, в середине декабря, наступал праздник Ханука, и я знал, что некоторые студенты из иешивы начнут разыскивать меня для участия в специальном служении. Кроме того, я слышал, что из Америки прибыл новый раввин. Движимый любопытством узнать, что происходит в синагоге, я решил отправиться туда.

Погода стояла ужасная. Мокрый снег падал на тротуары, тут же превращаясь в раскисшее месиво. Выйдя из метро, я осторожно и в то же время торопливо пробирался по направлению к синагоге. Промозглый ветер заставлял ускорять шаг.

Войдя наконец в металлические ворота синагоги, я с удивлением обнаружил во дворе перед закрытыми дверями толпу поеживающихся на ветру людей. Оставалось меньше часа до захода солнца, и я недоумевал, почему синагога до сих пор закрыта.

- Раввин здесь? - спросил я сторожа.

-Да, - уверенно ответил тот. - Он еще не подыскал квартиру, так что временно живет в гостевой комнате, возле канцелярии. Он не выходил после обеда, так что наверняка у себя.

«Как странно, - подумал я. - Почему же раввин не открывает двери? Погода ужасная, и люди продрогли на сыром ветру. И где же Абрамович, старший кантор? У него-то точно есть ключ, и он должен уже прийти. Ведь сегодня Ханука!»

Пытаясь согреться, я засунул руки в карманы пальто. Неожиданно пальцы мои нащупали что-то железное. Это оказался ключ от двери, ведущей в подвальное помещение синагоги, в книгохранилище! Когда Хаим уезжал в Израиль, он отдал ключ мне, попросив вернуть его раввину, но я забыл это сделать.

Теперь у меня была возможность попасть внутрь. Войдя в маленький темный коридор, я услышал голоса, становившиеся все громче по мере того как я спускался по ступеням.

- Думаю «столичная» чище, чем «русская», - раздался незнакомый голос.

- А как насчет «пшеничной»? - это был, несомненно, Абрамович. - По-моему, она лучше всех остальных.

Послышался смех. Заглянув в неплотно прикрытую дверь, я увидел Абрамовича, сидящего за маленьким столом, напротив расположился человек, одетый в лапсердак.

«Это, должно быть, новый раввин!» - заключил я.

Обрывки фраз, услышанных мною, уже настораживали, но настоящий шок я испытал, разглядев накрытый стол - рядом с большой бутылкой водки лежал внушительных размеров кусок свиного сала! На моих глазах раввин аппетитно закусывал бутербродом с салом!

«Какое святотатство! - пронеслось у меня в голове. - Нет, теперь я не останусь на служение, - пробормотал я и бегом бросился прочь, на ходу выбросив ключ.

«Это Божий ответ, - повторял я себе на обратном пути, - ответ на вопрос, нужно ли мне заканчивать обучение в этой иешиве!»

Глава 18

Несмотря на то, что я принял Иисуса Христа как своего Спасителя и больше не ходил в иешиву, во мне сохранялся определенный страх перед крещением. Я не хотел, чтобы меня называли выкрестом. Тем не менее каждую субботу я приходил в адвентистскую церковь на Ямской, с удовольствием общаясь с христианами. Ближе всех мне был, конечно, Толик.

По субботам Толик посещал свою церковь, а в воскресенье обычно отправлялся в молодежный христианский центр под названием «Новая жизнь», где он выполнял обязанности переводчика. Этот центр открылся в 1990 году как многоконфессиональная евангелическая церковь. Кроме того, он служил базой для американских миссионеров, приезжавших в Советский Союз. Всем им требовались переводчики, которых в то время не хватало.

Меня восхищал свободный английский язык Толика. Мне тоже хотелось научиться говорить по-английски. Годы обучения в школе и университете практически не оставили во мне и следа каких-либо знаний этого языка. Поэтому я обратился за помощью к Толику.

Это нетрудно сделать, - сказал он, - хотя тебя годами учили без толку. То же самое было и со мной. Я теперь говорю по-английски, поскольку имел разговорную практику. Почему бы тебе не пойти в «Новую жизнь» в воскресенье? Там будет целая группа американцев и масса возможностей для общения.

Я с удовольствием согласился. В следующее воскресенье, прибыв вместе с Толиком в центр «Новая жизнь», я сразу же познакомился с большой группой американских старшекласников и их учителем, Грэгом Грегори. Это были первые американцы, которых я встретил в своей жизни.

- Май нэйм из Яша, — произнес я единственные доступные мне слова.

Американские подростки сразу же окружили меня и стали что-то наперебой говорить. Я не понимал абсолютно ничего, но всеми силами стремился к общению.

Этот случай вдохновил меня на активное изучение английского. Я стал брать частные уроки и каждое воскресенье вместе с Толиком посещал центр, где происходили богослужения на английском языке с синхронным переводом. Мои разговорные возможности быстро росли, и с каждым разом я все увереннее общался с самыми разными американскими миссионерами. Однако одно обстоятельство немного смущало меня: я встречал среди них баптистов, пятидесятников, пресвитериан и прочих, но ни разу не видел ни одного адвентиста седьмого дня. «Неужели в Америке нет адвентистов? - думал я. - Может быть, адвентистская церковь на Ямской — единственная подобная в мире?»

Я чувствовал себя в этой церкви совершенно на месте, убежденный, что она преподает здоровое, основанное на Библии учение. Но как жаль, что это вероучение существует только у нас в Киеве!

В одну из суббот я решил поговорить об этом с пастором.

- Дело в том, - сказал он, - что в мире имеется приблизительно семь миллионов адвентистов, это одна из самых широко распространенных деноминаций. Мы верим в принцип, изложенный в 24-й главе Евангелия от Матфея, стих 14: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец». Бог хочет, чтобы Его Евангелие и Его закон стали известны всем людям в мире. Еще в Ветхом Завете мы находим слова Исайи: «Дом Мой назовется домом молитвы для всех народов» (Ис. 56:7). И наша Церковь откликается на Божий призыв проповедовать всем, поэтому адвентисты, несущие Благоую весть, есть в 200 странах мира - это вторая по широте распространенности в мире деноминация.

- Кстати, - закончил пастор, - к нам в этот вторник приезжает американский проповедник для проведения евангельских встреч в Киеве. Приходи, пожалуйста, и, если захочешь поговорить с ним, я вас познакомлю.

Он протянул мне маленький листок-приглашение, на котором было напечатано: «Пастор Джон Роберт Спенглер приглашает вас в Дом органной музыки для совместного изучения Библии. Давайте будем вместе знакомиться с Иисусом». в назначенный день я направился в Дом органной музыки - бывший великолепный католический храм, построенный еще в XIX веке и с 1927 года являвшийся местом проведения концертов классической музыки. Встречи пастора Спенглера были первыми религиозными собраниями, состоявшимися в этом здании с 1920-х годов.

Спенглер сразу же понравился мне. Спокойный, ясно и логично излагающий библейские истины, он производил впечатление мыслящего человека. Какой радостью для меня было приходить на его проповеди вечер за вечером! Мне нравилось, что он, сопоставляя Ветхий и Новый Заветы, принимает всю Библию, а не только Евангелие как вечное Слово Божье.

И хотя встречи в Доме органной музыки продолжались всего пять вечеров, они побудили меня к более явному и определенному посвящению себя Иисусу. Мне хотелось лично поговорить об этом с пастором Спенглером, и после заключительной встречи я подошел к сцене, где вместе со Спенглером находился и наш пастор. Проповеднику уже нужно было уезжать, и потому я сначала обратился к пастору Юрию с вопросом о возможности беседы со Спенглером в данный момент. Пастор Юрий спросил только, не нужен ли мне переводчик. Я решил попробовать поговорить сам.

- Пастор Спенглер, - обратился я к проповеднику, - я - еврей и недавно пришел к заключению, что Иисус Христос - мой Мессия. Глаза Спенглера расширились от удивления. По-видимому, он совершенно не ожидал таких слов. Видя, что он полон внимания, я с большей уверенностью продолжал:

- Но есть одно смущающее меня обстоятельство. Когда я пришел к христианству, то увидел много различных церквей, исповедующих Христа как Мессию, и растерялся, не зная, к какой?; из них я должен присоединиться.

- Думаю, к той, которая действительно следует Библии, - прозвучал ответ. Меня он не удовлетворил.

- Я определенно знаю, что не могу присоединиться к католической церкви, которая следует скорее традиции, чем Библии, но как быть с остальными деноминациями? Все христианские церкви утверждают, что основываются только на Библии.

Спенглер, вероятно, почувствовал, что со мной нужно говорить более конкретно, и потому спросил:

- Будучи евреем, пришедшим ко Христу, считаешь ли ты, что Десять Заповедей, включая заповедь о субботе, по-прежнему имеют значение и им следует повиноваться?

- Да, — ответил я, - у Павла в Послании к Евреям я прочитал, что для народа Божьего остается субботство.

- А ты знаешь хотя бы одну христианскую Церковь, которая соблюдает субботу? - последовал вопрос.

- Ну - у...я не очень сведущ в этой проблеме, - сказал я. - Здесь, в Киеве, субботу соблюдают в Церкви христиан адвентистов седьмого дня, но я встречал немало американцев в центре «Новая жизнь», которые также являются христианами, но субботу не празднуют. Мне неизвестно, соблюдает ли какая-то другая Церковь в мире, кроме адвентистской, субботу.

- Адвентистская Церковь существует не только в Киеве, - улыбнулся Спенглер. - Это всемирная Церковь, которая везде, во всех странах почитает заповеди Божьи и празднует субботный день. Лично я ничего не слышал о какой-либо еще христианской Церкви, которая была бы привержена этим принципам. Эта Церковь проповедует всем нациям, включая и евреев, а значит, ее проповедь и для тебя. Я вижу, что ты веришь в эти принципы, и потому мне больше нечего сказать тебе.

В тот вечер Дом органной музыки я покидал, буквально захлестнутый впечатлениями. Существует всемирная Церковь, верящая во Христа как Мессию и в то же время почитающая Десять Заповедей, в том числе и заповедь о субботе!

У выхода я дождался пастора Юрия Григорьевича и вместе с ним направился к станции метро. Я был страшно напряжен и взволнован, но, взяв себя в руки, произнес, стараясь говорить самым обычным тоном:

- Юрий Григорьевич, как я могу стать членом Церкви христиан адвентистов седьмого дня?

Мой вопрос явно пришелся по душе пастору, и он с готовностью ответил: «Продолжай посещать наши богослужения. Твое решение - очень серьезное дело, и ты должен знать, куда собираешься пойти. Если ты будешь после каждого богослужения оставаться, чтобы знакомиться с доктринами нашей Церкви, то, изучив их, сможешь принять крещение. Ближайшее крещение состоится 22 июня».

Я решил, что 22 июня 1991 года станет особым днем моей жизни. Ничто не должно помешать мне креститься.

Глава 19

Мое решение принять крещение в Церкви христиан адвентистов седьмого дня не помешало мне каждое воскресенье бывать вместе с Толиком в центре «Новая жизнь», где я находил возможность практиковаться в английском языке. На одном из собраний ко мне подошла девушка, спросив, не хочу ли я познакомиться с еще одним евреем, принявшим христианство? Разве нужно было спрашивать?! Я просто сгорал от желания увидеть его!

После обеда она повела меня в гостиницу «Днепр», где остановились американские миссионеры, и представила Джеффу Киппу. Джефф был из

Миннеаполиса, штат Миннесота, и работал в организации «Благая весть Израилю».

Он был рад встрече со мной, и почти сразу же мы нашли общий язык. К этому времени я уже вполне свободно говорил по-английски, так что несколько последующих дней мы провели вместе, гуляя по Киеву и посещая своих друзей-евреев.

Но вот подошла пятница. С утра мы с удовольствием делили компанию, но ближе к заходу солнца я сказал Джеффу, что мне пора идти на служение. .

- Суббота наступает, — напомнил я.

Его лицо исказила гримаса раздражения.

- Что? - воскликнул он. - О какой субботе ты говоришь? Неужели ты связался с адвентистами седьмого дня? Если хочешь быть настоящим мессианским евреем, держись от них подальше. Есть много других христианских церквей, к которым можно присоединиться. Лично я хожу к харизматикам. Я не побуждаю тебя «говорить языками», но если ты захочешь, могу научить. Но, пожалуйста, прошу тебя, поверь опыту доброго еврея - забудь навсегда дорогу в церковь адвентистов!

Ошеломленный, я не мог понять, почему мой друг - христианин из евреев - так неистово протестовал против этой церкви.

- Почему она тебе так не нравится? - спросил я его. Я изучаю там Библию и даже собираюсь вскоре принять у них крещение.

При этих словах Джефф стал кричать на меня как сумасшедший.

- Они законники и не верят в благодать! - закричал он. - Адвентисты верят в спасение законом! Возбужденный, он говорил все быстрее, так что я уже перестал понимать его.

«Этот парень несет чепуху», - подумал я. Мое собственное изучение Библии и занятия в местной адвентистской церкви убедили меня, что Джефф не знает, о чем говорит. Фактически прямо на этой неделе пастор объяснял нам адвентистский взгляд на спасение и благодать: «Дух Святой приводит нас к осознанию нужды в Боге, признанию себя грешниками и раскаянию в своем

беззаконии, к вере во Христа как нашего Господа и Спасителя, Заместительную Жертву и Пример. Эта вера, дарующая нам спасение, приходит посредством Божественной силы Слова и является даром благодати Божьей».

В тот вечер я пошел на богослужение нимало не обеспокоенный словами Джеффа. Я предпочел верить словам апостола Павла о том, что «для народа Божия еще остается субботство». Ни евреям, ни язычникам он не писал о том, что нужно изменить день поклонения, да и сам совершал богослужение в субботний день.

Но, несмотря на то, что я не согласился с мнением Джеффа о церкви адвентистов, я по-прежнему дорожил его дружбой и ценил его общество, а потому в субботу после богослужения отправился к нему в гостиницу.

Он, видимо, с нетерпением поджидал меня.

- Я знаю, как убедить тебя в том, что адвентистская церковь — не истинная, — сказал он. - Я возьму тебя с собой в Миннеаполис на конгресс мессианских евреев в августе и крещу тебя там. Ты просто не видишь достойной альтернативы адвентистской церкви, - продолжал он. - Здесь, в России, не так уж много евреев, с которыми ты можешь поделиться своими переживаниями, но в Миннеаполисе ты встретишь множество евреев, и мы вместе докажем тебе, что ты на неверной дороге. Поверь мне, нет ни одного еврея в адвентистской церкви и не будет, если, конечно, *ты* не пойдешь туда! - закончил он, указывая на меня пальцем. Он дезинформировал меня, говоря об отсутствии евреев в адвентистской церкви, но в то время я не знал этого.

Несмотря на то, что никакая сила в мире не могла повлиять на мое решение принять крещение у адвентистов, его предложение поехать в Америку показалось мне интересным. Мой друг Толик также собирался в Америку на учебу. Теперь и у меня появился отличный шанс отправиться туда.

Джефф вручил мне официальное приглашение чрез центр «Новая жизнь» и 18 тысяч рублей (в то время эта сумма была эквивалентна 600 долларам), чтобы я мог купить билет на самолет до Миннеаполиса. Такого количества

денег сразу я никогда не держал в руках. Вот какие неожиданные перемены вдруг произошли в моей жизни!

Глава 20

Однако осуществить мои желания оказалось делом довольно сложным. Во-первых, предстояло получить заграничный паспорт, а это требовало времени, ежедневных посещений ОВИРа, для того чтобы отмечаться в очереди, затем - томительное ожидание рассмотрения заявления в соответствующих органах. Короче говоря, требовался не один месяц на решение этого вопроса.

Крестившись, я трижды в неделю посещал богослужения на Ямской, а по воскресеньям по-прежнему ходил в центр «Новая жизнь». Там было немало ребят, обеспокоенных такими же, как у меня, проблемами, в том числе задержкой оформления документов.

Время шло, близилось 3 августа - день, когда в Миннеаполисе начиналась конференция, на которую пригласил меня Джефф. Почти все, ожидавшие паспортов, уже получили их, кроме меня. Беспокойство мое возрастало.

Однажды утром, после богослужения в центре «Новая жизнь», ко мне подошел молодой человек по имени Игорь. Я никогда не обсуждал с ним свои проблемы, но он начал говорить именно об этом.

- Брат мой, у меня есть весть для тебя, - воодушевленно сообщил он. - Бог открыл мне, что все будет хорошо. Ты получишь свой паспорт в самый последний момент. Бог хочет проверить твоё терпение, но, чтобы пройти это испытание, ты должен кое-что понять. Тебе нужно наполниться Духом Святым. Если ты откроешь своё сердце Богу, Он изольёт на тебя Дух Святой и благословит тебя. Я понимал, что он подразумевает под «исполнением Духом Святым» - разговор на «языках», ту бессмыслицу, которую я слышал, когда посещал церковь пятидесятников. «О, нет, - подумал я, - только не глоссолалия. Я так не могу!»

Но дни шли один за другим, времени оставалось в обрез. Меня охватило отчаяние. Ведь все вокруг, «говорившие на языках», получили паспорта, а я нет. Может, действительно причина кроется именно во мне?

За неделю до вылета моего самолета я решил предпринять какой-нибудь решительный шаг. После утреннего богослужения в «Новой жизни» я подошел к Валерию, одному из руководителей центра и спросил его, как мне получить дар «языков».

- О, это просто, - сказал он, - тебе нужно только серьезно молиться об этом, и Бог даст его. Если хочешь, давай помолимся сейчас.

Я согласился, и мы преклонили колени. Валерий начал молиться: «Боже, Отец Небесный, Ты знаешь серьезное желание брата Яши получить Духа твоего Святого. Пожалуйста, пошли его Яше. Наполни его силой Твоего небесного языка...алилуйя, алилуйя, алилуйя, - он говорил все быстрее, быстрее, и, наконец, его речь стала полностью невнятна. Я стоял рядом с ним на коленях, но ни одного звука не срывалось с моего языка. Наконец, Валерий произнес: «Аминь!» и, взглянув на меня, спросил:

- Ну, что?

- Что? - переспросил я.

- Ты говорил языками? Святой Дух сошел на тебя во время моей молитвы?

Я покачал головой.

- Это должно было случиться! - воскликнул он убежденно. - Бог дает всем этот дар, особенно после усиленной молитвы брата. Ты, должно быть, недостаточно широко раскрыл свое сердце, чтобы принять его.

- С какой стати я не стал бы раскрывать свое сердце, - сказал я, - я ведь стремлюсь получить его. Просто он не появляется.

- Ладно, - решил Валерий, - я верю в твою искренность. Может быть, проблема в том, что твой язык не привык к таким движениям. Давай попробуем по-другому. Я опять стану молиться на языках, а ты в это время повторяй непрерывно: «Иисус, я люблю Тебя». Может, так Господу будет легче.

Он снова стал молиться на языках, а я принялся повторять: «Иисус, я люблю Тебя, Иисус я люблю Тебя, Иисус, я люблю Тебя...» Это продолжалось почти полчаса, и я уже перестал ощущать свой язык. Он, подобно куску сырого мяса, шевелился у меня во рту и под конец действительно стал выдавать что-то нечленораздельное. Валерий, прислушавшись, закричал: «Аллилуйя! Ты получил его! Ты блажен!»

- Кроме того, - добавил он, - я имею дар пророчества, и пока я молился, Господь открыл мне, что ты поедешь в США и там попадешь в хороший колледж, а через пять лет вернешься назад будешь пастором огромной церкви.

Выслушав его, я успокоился и покидал центр «Новая жизнь» в полной уверенности, что поездка моя осуществится.

Несмотря на то, что у меня еще не было заграничного паспорта, я решил пойти в агентство Аэрофлота и купить билет, потому что в этот же вечер намеревался отправиться домой, чтобы попрощаться с родителями.

Когда, час спустя, я добрался до агентства, то почувствовал себя нездоровым. Меня лихорадило, и чем дальше, тем сильнее. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь помолился за меня, но вокруг не было никого, кто мог бы это сделать. В таком состоянии я все же простоял в очереди около двух часов и купил билет в Миннеаполис. К этому моменту мне стало совсем плохо.

В вечерний поезд я сел уже совершенно больным, и, вытянувшись на полке, кое-как уснул. В четыре часа утра необычная острая боль в груди разбудила меня. Эта боль все усиливалась, становясь нестерпимой. В шесть утра поезд прибыл на место, и я кое-как побрел по перрону. Дальше мне нужно было ехать автобусом, но в это время его пришлось бы ждать еще пару часов, и я отправился домой пешком. Не знаю, каким чудом преодолел я три километра дороги, но подошел к дверям нашей квартиры в почти бессознательном состоянии. Мама не сразу поняла, что происходит со мной.

- Ты очень устал, - сказала она, - возможно, у тебя температура, но это не страшно. Тебе нужно хорошенько выспаться.

Она напоила меня травяным чаем, чтобы я скорее уснул.

Часа три я действительно спал, но вдруг проснулся с криком от режущей боли в груди. Мама вызвала «скорую». Меня сразу же отвезли в больницу. Врачи поставили диагноз: обширный инфаркт миокарда.

В промежутках между забытьем я понял, что мои планы провалились. Заграничный паспорт теперь не имел решающего значения. Вряд ли я сумею поехать куда бы то ни было в ближайшее время.

Мама страдала еще больше меня. Стоя у моей постели, она с горечью сказала:

- Вот что твой Бог сделал с тобой. Ты связался с этими ненормальными, а теперь умираешь.

Ее слова глубоко задели меня, но, несмотря на свое пограничное состояние, я смог ответить:

- Бог привел меня на эту больничную койку, и Он же позаботится обо мне.

Я стал молиться, как никогда прежде. Моя молитва продолжалась, наверное, более двух часов, потому что я то приходил в себя, то опять проваливался куда-то в темноту из-за действия мощных обезболивающих препаратов. Всякий раз мысль возвращалась ко мне с того самого места, где я терял ее. Впервые в жизни я ощутил руку Божью, поддерживающую меня. Я осознал, каким нелепым заблуждением было верить так называемым пророкам и пытаться реализовать собственные желания вопреки воле Всемогущего. «В искушении никто не говори: «Бог меня искушает»; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью», - вспоминал я слова Иакова, лежа на больничной койке.

И там же я излил сердце Богу, глубоко раскаявшись в своих грехах и полностью вверив себя в Его руки.

Десять дней спустя силы понемногу стали возвращаться ко мне. Но все еще не было ясно, какая жизнь ожидает меня после случившегося. Скоро ли я

покину больничную койку? Смогу ли снова учиться в университете? Я не знал ответов на эти вопросы, но одно было непреложно: Бог будет со мной.

В один из дней в палату, как обычно, вошла доктор с портативным кардиографом. Каждый день она совершала привычную процедуру, проверяя состояние моего сердца. Но в это утро что-то было не так, как всегда. Врач смотрела на монитор, и глаза ее удивленно расширялись. Не сказав ни слова, она повторила процедуру еще раз, чего никогда не делала прежде. Потом она повторила ее в третий раз. Я недоумевал, в чем дело.

- Так ведь у вас был инфаркт! - воскликнула она наконец. - Два дня назад эта же машина показывала мне, что одна четверть вашего сердца мертва. Но сейчас я не вижу главной проблемы - только небольшую инфекцию, перикардит. Это невероятно! Такого в моей практике еще не было!

Бог слышал мою молитву покаяния и вмешался в мою жизнь. Я принял решение о том, что, выйдя из больницы, никогда не буду пытаться делать что-либо вопреки Его воле. Я хотел полностью и всецело следовать за Ним всю свою жизнь. Я хотел трудиться для Него. Я готов был идти туда, куда Он пошлет меня.

Примечания

¹ *Ав* - пятый месяц иудейского религиозного календаря. Девятое *Ава* - день поста и траура в память о разрушении первого и второго храмов. Празднуется в августе - сентябре в соответствии с лунным иудейским календарем.

² Певчий, ведущий богослужение.

³ Небольшая круглая шапочка, называемая также ермолкой.

⁴ Евр. Пятикнижие Моисея (является частью Библии)

⁵ Местечко в западной Белоруссии.

⁶ Католическая церковь в средние века практиковала насильственное обращение евреев в христианство. Так, в Испании были обращены в христианство под угрозой смерти целые еврейские общины, например, в Кордове, где Маймонид и родился. Этих обращенных евреев называли маронами. Многие из маронов продолжали тайно исповедовать иудаизм и совершать иудейские обряды. Позднее им пришлось переселяться из Испании, скрываясь от преследований инквизиции.

⁷ Книга Даниила, хотя и входит в еврейский канон ветхозаветных писаний, но не читается на богослужениях в синагогах.

⁸ *Танах* - сокр. Тора-Невиим-Кетувим - рус. Закон-Пророки-Писания - Ветхий Завет.

⁹ Праздничный ритуал, совершаемый в еврейских семьях в пасхальную ночь. В современном иудаизме он отличается от библейского ритуала. Семья собирается за праздничным столом, в центре которого располагается специальное блюдо. На блюде разложены символы ветхозаветного пасхального ритуала: корень хрена (горькие травы), косточка (агнец). Все участвующие вкушают мацу (опресноки) и пьют специальное кошерное вино. Читается Пасхальная история (агада-).

¹⁰ По мнению многих современных раввинов. Как выразил это Исидор Эпштейн, влиятельный лондонский раввин: «Апостол Павел является главным виновником того, что учение небольшой кучки сумасшедших последователей Христа распространилось в языческом мире и стало источником мирового антисемитизма».

¹¹ Это движение было основано равви Шнеуром Залманом, автором «Тании», упоминавшейся ранее, в конце XVIII века в Западной Белоруссии. После его смерти пост лидера унаследовал его сын, носивший фамилию Шнеерсон, передавший свой пост сыну.

¹² Кисти, которые носят ортодоксальные евреи согласно Чис. 15:38.

¹³ Это было сделано методом гематрии. В древнееврейском языке каждая буква алфавита имеет числовое значение, а потому можно высчитать сумму

цифр каждого слова. Шнеерсон сделал обратное преобразование - разделив число 1989 между подходящими словами, он получил эту фразу.